

из собрания
А.Н. Афанасьева

из собрания
А.Н. Афанасьева

Александр Николаевич Афанасьев Народные русские сказки из собрания А. Н. Афанасьева

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4885081

Народные русские сказки из собрания А. Н. Афанасьева: Астрель;

Москва; 2012

ISBN 978-5-271-45006-8

Аннотация

В этот сборник вошли самые популярные народные русские сказки из знаменитого собрания известного фольклориста, литературоведа и историка А.Н. Афанасьева.

Впервые эти сказки изданы с таким большим количеством замечательных классических иллюстраций.

Содержание

Лисичка-сестричка и волк	7
Лиса, заяц и петух	14
Старая хлеб-соль забывается	19
Колобок	24
Кот, кочеток и лиса	30
Кот и лиса	33
Напуганные медведь и волки	40
Волк и коза	47
Волк-дурень	54
Медведь	61
Медведь, собака и кошка	64
Зимовье зверей	70
Кочет и курица	75
Курочка	80
Журавль и цапля	83
Орел и ворона	86
Золотая рыбка	89
Терем мухи	97
Мизгирь	101
Пузырь, соломинка и лапоть	104
Репка	106
Ведьма и Солнцева сестра	108
Морозко	116

Крошечка-Хаврошечка	122
Баба-яга	127
Василиса Прекрасная	133
Баба-яга и Заморышек	151
Гуси-лебеди	157
Иван Быкович	162
Конец ознакомительного фрагмента.	178

**Александр
Николаевич Афанасьев
Народные русские
сказки из собрания
А. Н. Афанасьева**

A. Roanach

Лисичка-сестричка и волк

В. ЛИСИЧКА. 1906.

Жили себе дед да баба. Дед говорит бабе: «Ты, баба, пеки пироги, а я поеду за рыбой». Наловил рыбы и везет домой целый воз. Вот едет он и видит: лисичка свернулась калачиком и лежит на дороге.

Дед слез с воза, подошел к лисичке, а она не ворохнется, лежит себе как мертвая.

– Вот будет подарок жене, – сказал дед, взял лисичку и положил на воз, а сам пошел впереди.

А лисичка улучила время и стала выбрасывать полегоньку из воза все по рыбке да по рыбке, все по рыбке да по рыбке. Пovyбросала всю рыбу и сама ушла.

– Ну, старуха, – говорит дед, – какой воротник привез я

тебе на шубу.

– Где?

– Там, на возу, – и рыба и воротник.

Подошла баба к возу: ни воротника, ни рыбы, и начала ругать мужа:

– Ах ты!.. Такой-сякой! Ты еще вздумал обманывать!

Тут дед смекнул, что лисичка-то была не мертвая; погоревал, погоревал, да делать-то нечего. А лисичка собрала всю разбросанную по дороге рыбу в кучку, села и ест себе. На встречу ей идет волк:

– Здравствуй, кумушка!

– Здравствуй, куманек!

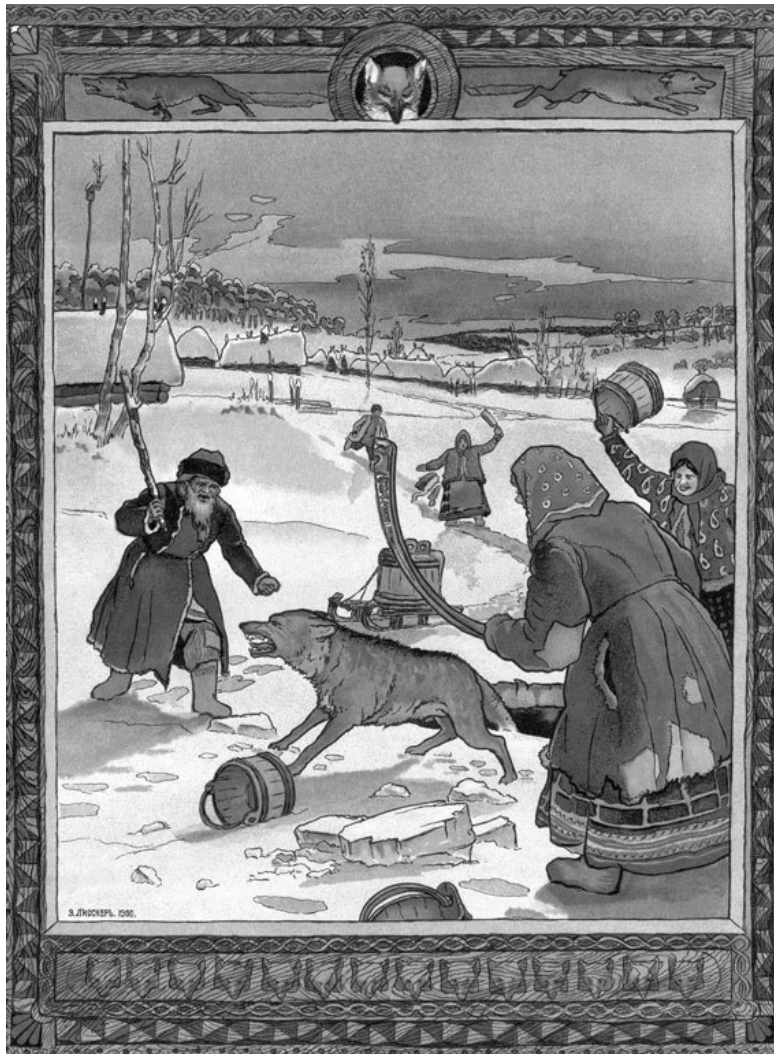
– Дай-ка мне рыбки!

– Налови сам, да и ешь.

– Я не умею.

– Эка, ведь я же наловила; ты, куманек, ступай на реку, опусти хвост в прорубь – рыба сама на хвост нацепляется, да смотри, сиди подольше, а то не наловишь.

Волк пошел на реку, опустил хвост в прорубь; дело-то было зимою. Уж он сидел-сидел, целую ночь просидел, хвост его и приморозило; попробовал было приподняться: не тут-то было.

В. ПИЧКИН. 1990.

«Эка, сколько рыбы привалило, и не вытащишь!» – думает он.

Смотрит, а бабы идут за водой и кричат, завидя серого:
– Волк, волк! Бейте его! Бейте его!

Прибежали и начали колотить волка – кто коромыслом, кто ведром, чем кто попало. Волк прыгал, прыгал, оторвал себе хвост и пустился без оглядки бежать.

«Хорошо же, – думает, – уж я тебе отплачу, кумушка!»

А лисичка-сестричка, покушавши рыбки, захотела попробовать, не удастся ли еще что-нибудь стянуть; забралась в одну избу, где бабы пекли блины, да попала головой в кад-

ку с тестом, вымазалась и бежит. А волк ей навстречу:

– Так-то учишь ты? Меня всего исколотили!

– Эх, куманек, – говорит лисичка-сестричка, – у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозг, меня больней твоего прибили; я насилу плетусь.

– И то правда, – говорит волк, – где тебе, кумушка, уж идти; садись на меня, я тебя довезу.

Лисичка села ему на спину, он ее и понес. Вот лисичка-сестричка сидит, да потихоньку и говорит:

– Битый небитого везет, битый небитого везет.

– Что ты, кумушка, говоришь?

– Я, куманек, говорю: битый битого везет.

– Так, кумушка, так!..

Лиса, заяц и петух

Жили-были лиса да заяц. У лисицы была избенка ледяная, а у зайчика лубяная; пришла весна красна – у лисицы избенка растаяла, а у зайчика стоит по-старому.

Лиса попросилась у зайчика погреться, да зайчика-то и выгнала.

Идет дорóгой зайчик да плачет, а ему навстречу собаки:

– Тяф, тяф, тяф! Про что, зайчик, плачешь?

А зайчик говорит:

– Отстаньте, собаки! Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мне, да меня и выгнала.

– Не плачь, зайчик! – говорят собаки. – Мы ее выгоним.

– Нет, не выгоните!

– Нет, выгоним!

Подошли к избенке:

– Тяф, тяф, тяф! Поди, лиса, вон!

А она им с печи:

– Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по заулочкам!

Собаки испугались и ушли.

Зайчик опять идет да плачет. Ему навстречу медведь:

– О чем, зайчик, плачешь?

А зайчик говорит:

– Отстань, медведь! Как мне не плакать? Была у меня из-бенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мне, да меня и выгнала.

– Не плачь, зайчик! – говорит медведь. – Я выгоню ее.

– Нет, не выгонишь! Собаки гнали – не выгнали, и ты не выгонишь.

– Нет, выгоню!

Пошли гнать:

– Поди, лиса, вон!

А она с печи:

– Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по заулочкам!

Медведь испугался и ушел.

Идет опять зайчик да плачет, а ему навстречу бык:

– Про что, зайчик, плачешь?

– Отстань, бык! Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мне, да меня и выгнала.

– Пойдем, я ее выгоню.

А зайчик говорит:

– Нет, бык, не выгонишь! Собаки гнали – не выгнали, медведь гнал – не выгнал, и ты не выгонишь.

– Нет, выгоню.

Подошли к избенке:

– Поди, лиса, вон!

А она с печи:

– Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по заулочкам!

Бык испугался и ушел.

Идет опять зайчик да плачет, а ему навстречу петух с ко-
сой:

– Кукуреку! О чем, зайчик, плачешь?

– Отстань, петух! Как мне не плакать? Была у меня избен-
ка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мне, да
меня и выгнала.

– Пойдем, я выгоню.

– Нет, не выгонишь! Собаки гнали – не выгнали, медведь
гнал – не выгнал, бык гнал – не выгнал, и ты не выгонишь!

– Нет, выгоню!

Подошли к избенке:

– Кукуреку! Несу косу на плечи, хочу лису посечи! Поди,
лиса, вон!

А она услышала, испугалась, говорит:

– Одеваюсь...

Петух опять:

– Кукуреку! Несу косу на плечи, хочу лису посечи! Поди,
лиса, вон!

А она говорит:

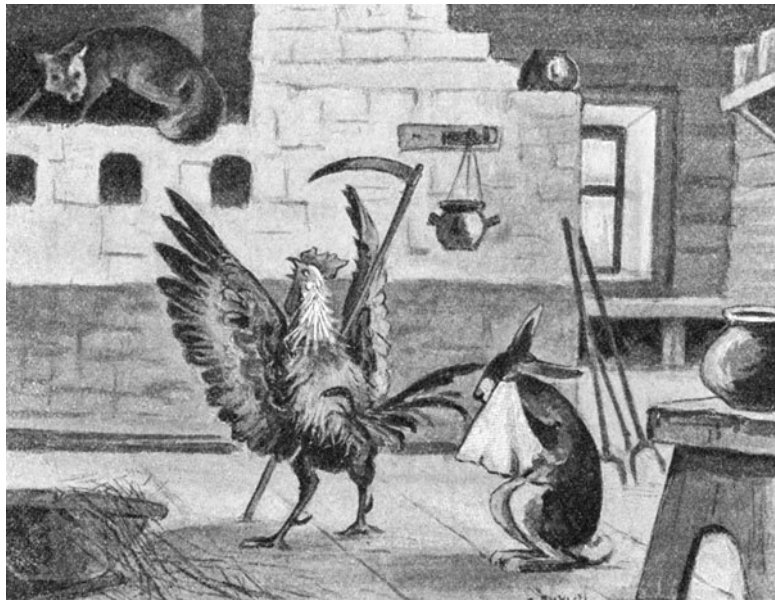
– Шубу надеваю.

Петух в третий раз:

– Кукуреку! Несу косу на плечи, хочу лису посечи! Поди,
лиса, вон!

Лисица выбежала; он ее зарубил косой-то и стал с зайчи-
ком жить да поживать да добра наживать.

Вот тебе сказка, а мне кринка масла.

Старая хлеб-соль забывается

Попался было бирюк¹ в капкан, да кое-как вырвался и стал пробираться в глухую сторону. Завидели его охотники и стали следить. Пришлось бирюку бежать через дорогу, а на ту пору шел по дороге с поля мужик с мешком и цепом*. Бирюк к нему:

– Сделай милость, мужичок, схорони меня в мешок! За мной охотники гонят.

Мужик согласился, запрятал его в мешок, завязал и взвалил на плечи. Идет дальше, а навстречу ему охотники.

– Не видал ли, мужичок, бирюка? – спрашивают они.

– Нет, не видал! – отвечает мужик.

Охотники поскакали вперед и скрылись из виду.

– Что, ушли мои злодеи? – спросил бирюк.

– Ушли.

– Ну, теперь выпусти меня на волю.

¹ Толкование слов отмеченных звездочкой смотрите в конце книги в разделе "Словарь малоупотребительных и областных слов".

Мужик развязал мешок и выпустил его на вольный свет.
Бирюк сказал:

– А что, мужик, я тебя съем!

– Ах, бирюк, бирюк! Я тебя из какой неволи выручил, а ты меня съесть хочешь!

– Старая хлеб-соль забывается, – отвечал бирюк.

Мужик видит, что дело-то плохо, и говорит:

– Ну, коли так, пойдем дальше, и если первый, кто с нами встретится, скажет по-твоему, что старая хлеб-соль забывается, тогда делать нечего – съешь меня!

И пошли они дальше. Повстречалась им старая кобыла.

Мужик к ней с вопросом:

– Сделай милость, кобылушка-матушка, рассуди нас! Вот я бирюка из большой неволи выручил, а он хочет меня съесть! – и рассказал ей все, что было.

Кобыла подумала-подумала и сказала:

– Я жила у хозяина двенадцать лет, принесла ему двенадцать жеребят, изо всех сил на него работала, а как стала старая и пришло мне неважину работать – он взял да и стащил меня под яр*; уж я лезла, лезла, насилу вылезла, и теперь вот плетусь, куда глаза глядят. Да, старая хлеб-соль забывается!

– Видишь, моя правда! – молвил бирюк.

Мужик опечалился и стал просить бирюка, чтоб подождал до другой встречи. Бирюк согласился и на это.

Повстречалась им старая собака. Мужик к ней с тем же вопросом. Собака подумала-подумала и сказала:

– Служила я хозяину двадцать лет, оберегала его дом и скотину, а как состарилась и перестала брехать*, – он прогнал меня со двора, и вот плетусь я, куда глаза глядят. Да, старая хлеб-соль забывается!

– Ну, видишь, моя правда!

Мужик еще пуще опечалился и упросил бирюка обождать до третьей встречи:

– А там делай как знаешь, коли хлеба-соли моей не помнишь.

В третий раз повстречалась им лиса. Мужик повторил ей свой вопрос. Лиса стала спорить:

– Да как это можно, чтобы бирюк, этакая большая туша, мог поместиться в таком малом мешке?

И бирюк и мужик побожились, что это истинная правда; но лиса все-таки не верила и сказала:

– А ну-ка, мужичок, покажь, как ты сажал его в мешок-то?

Мужик расставил мешок, а бирюк всунул туда голову. Лиса закричала:

– Да разве ты одну голову прятал в мешок?

Бирюк влез совсем.

– Ну-ка, мужичок, – продолжала лиса, – покажи, как ты его завязывал?

Мужик завязал.

– Ну-ка, мужичок, как ты в поле хлеб-то молотил?

Мужик начал молотить цепом по мешку.

– Ну-ка, мужичок, как ты отворачивал?

Мужик стал отворачивать да задел лису по голове и убил ее до смерти, приговаривая: «Старая хлеб-соль забывается!»

Колобок

Жил-был старик со старухой. Просит старик: «Испеки, старуха, колобок*».

– Из чего печь-то? Муки нету.

– Э-эх, старуха! По коробу* поскреби, по сусеку* помети; авось муки и наберется.

Взяла старуха крылышко, по коробу поскребла, по сусеку помела, и набралось муки пригоршни с две. Замесила на сметане, изжарила в масле и положила на окошечко постудить.

Колобок полежал-полежал, да вдруг и покатился – с окна на лавку, с лавки на пол, по полу да к дверям, перепрыгнул через порог в сени, из сеней на крыльцо, с крыльца на двор, со двора за ворота, дальше и дальше.

Катится колобок по дороге, а навстречу ему заяц:

– Колобок, колобок! Я тебя съем!

– Не ешь меня, косой зайчик! Я тебе песенку спою, – сказал колобок и запел:

Я по коробу скребен,
По сусеку метен,
На сметане мешон
Да в масле пряжон*,
На окошке стужон;

Я у дедушки ушел,
Я у бабушки ушел,
У тебя, зайца, не хитро уйти!

И покатился себе дальше; только заяц его и видел!..
Катится колобок, а навстречу ему волк:
– Колобок, колобок! Я тебя съем!

– Не ешь меня, серый волк! Я тебе песенку спою!

Я по коробу скребен,
По сусеку метен,

На сметане мешон
Да в масле пряжон,
На окошке стужон;
Я у дедушки ушел,
Я у бабушки ушел,
Я у зайца ушел,
У тебя, волка, не хитро уйти!

И покатился себе дальше; только волк его и видел!..
Катится колобок, а навстречу ему медведь:
– Колобок, колобок! Я тебя съем.

– Где тебе, косолапому, съестъ меня

Я по коробу скребен,
По сусеку метен,
На сметане мешон
Да в масле пряжон,
На окошке стужон;
Я у дедушки ушел,
Я у бабушки ушел,

Я у зайца ушел,
Я у волка ушел,
У тебя, медведь, не хитро уйти!

И опять укатился; только медведь его и видел!..
Катится, катится колобок, а на встречу ему лиса:
– Здравствуй, колобок! Какой ты хорошенький!
А колобок запел:

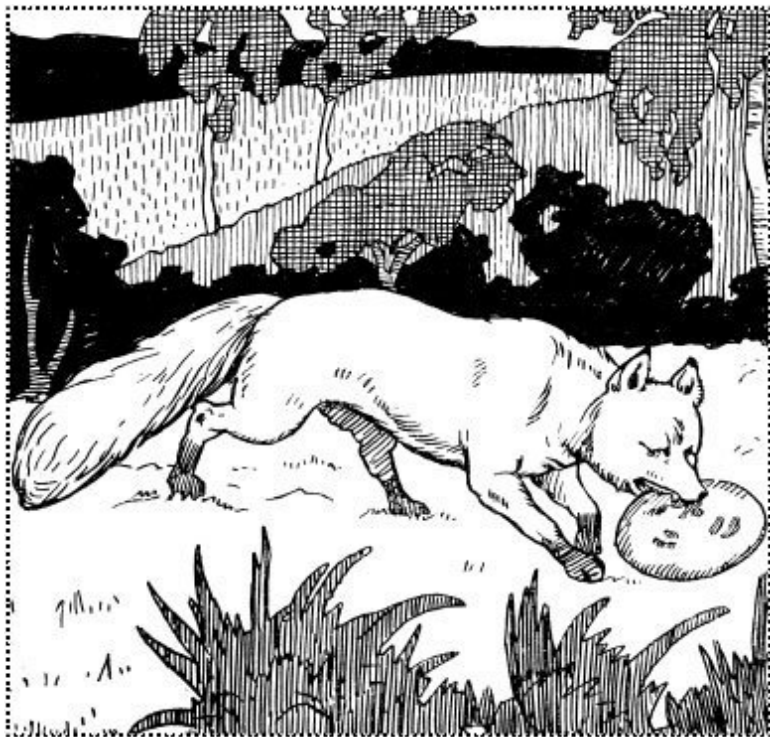
Я по коробу скребен,
По сусеку метен,
На сметане мешон
Да в масле пряжон,
На окошке стужон;
Я у дедушки ушел,
Я у бабушки ушел,
Я у зайца ушел,
Я у волка ушел,
У медведя ушел,
У тебя, лиса, и подавно уйду!

– Какая славная песенка! – сказала лиса. – Но ведь я, колобок, стара стала, плохо слышу; сядь-ка на мою мордочку да пропой еще разок погромче.

Колобок вскочил лисе на мордочку и запел ту же песню.

– Спасибо, колобок! Славная песенка, еще бы послушала!
Сядь-ка на мой язычок да пропой в последний разок, – сказала лиса и высунула свой язык.

Колобок сдуру прыг ей на язык, а лиса – ам его! – и скушала.

Кот, кочеток и лиса

Жил кот с кочетком*. Кот идет за лыками в лес и бает* кочетку: «Если лиса придет звать в гости и станет кликать, не высовывай ей головочку, а то унесет тебя».

Вот пришла лиса звать в гости, стала кликать:

– Кочетунюшка, кочетунюшка! Пойдем на гуменцы* золоты яблочки катать.

Он глянул, она его и унесла. Вот он и стал кликать:

– Котинька, котинька! Несет меня лиса за крутые горы, за быстрые воды.

Кот услышал, пришел, избавил кочетка от лисы.

Кот опять идет за лыками и опять приказывает:

– Если лиса придет звать в гости, не высовывай головку, а то опять унесет.

Вот лиса пришла и по-прежнему стала кликать. Кочеток глянул, она его и унесла. Вот он и стал кричать:

– Котунюшка, котунюшка! Несет меня лиса за крутые горы, за быстрые воды.

Кот услышал, прибежал, опять избавил кочетка.

Кот опять скрутился* идтить за лыками и говорит:

– Ну, теперь я уйду далеко. Если лиса опять придет звать в гости, не высовывай головку, а то унесет, и не услышу, как будешь кричать.

Кот ушел; лиса опять пришла и стала опять кликать по-

прежнему. Кочеток глянул, лиса опять унесла его.

Кочеток стал кричать; кричал, кричал – нет, не идет кот.

Лиса принесла кочетка домой и крутилась* уж жарить его. Тут прибежал кот, стал стучать хвостом об окно и кликать:

– Лисонька! Живи хорошенько своим подворьем: один сын – Димеша, другой – Ремеша, одна дочь – Чучилка, другая – Пачучилка, третья – Подмети-шесток, четвертая – Подай-челнок!

К коту стали выходить лисонькины дети, один за другим; он их всех поколотил; после вышла сама лиса, он и ее убил и избавил кочетка от смерти.

Пришли оба домой, стали жить да поживать да денежки наживать.

Кот и лиса

Жил-был мужик; у него был кот, только такой шkodливый*, что беда! Надоел он мужику. Вот мужик думал, думал, взял кота, посадил в мешок, завязал и понес в лес. Принес и бросил его в лесу: пускай пропадает!

Кот ходил, ходил и набрел на избушку, в которой лесник жил; залез на чердак и полеживает себе, а захочет есть – пойдет по лесу птичек да мышей ловить, наестся досыта и опять на чердак, и горя ему мало!

Вот однажды пошел кот гулять, а навстречу ему лиса, увидала кота и дивится:

– Сколько лет живу в лесу, а такого зверя не видывала. Поклонилась коту и спрашивает:

– Скажись, добрый молодец, кто ты таков, каким случаем сюда зашел и как тебя по имени величать?

А кот вскинул шерсть свою и говорит:

– Я из сибирских лесов прислан к вам бурмистром*, а зовут меня Котофей Иванович.

– Ах, Котофей Иванович, – говорит лиса, – не знала про тебя, не ведала: ну, пойдем же ко мне в гости.

Кот пошел к лисице; она привела его в свою нору и стала потчевать разной дичинкою, а сама выпрашивает:

– Что, Котофей Иванович, женат ты али холост?

– Холост, – говорит кот.

– И я, лисица, – девица, возьми меня замуж.

Кот согласился, и начался у них пир да веселье.

На другой день отправилась лиса добывать припасов, чтоб было чем с молодым мужем жить; а кот остался дома. Бежит лиса, а навстречу ей попадается волк и начал с нею заигрывать:

– Где ты, кума, пропадала? Мы все норы обыскали, а тебя

не видали.

– Пусти, дурак! Что заигрываешь? Я прежде была лисица-девица, а теперь замужняя жена.

– За кого же ты вышла, Лизавета Ивановна?

– Разве ты не слыхал, что к нам из сибирских лесов прислан бурмистр Котофей Иванович? Я теперь бурмистрова жена.

– Нет, не слыхал, Лизавета Ивановна. Как бы на него посмотреть?

– У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: коли кто не по нем, сейчас съест! Ты смотри, приготовь барана да принеси ему на поклон; барана-то положи, а сам схоронись, чтоб он тебя не увидел, а то, брат, туго придется!

Волк побежал за бараном.

Идет лиса, а навстречу ей медведь и стал с нею заигрывать.

– Что ты, дурак, косолапый Мишка, трогаешь меня? Я прежде была лисица-девица, а теперь замужняя жена.

– За кого же ты, Лизавета Ивановна, вышла?

– А который прислан к нам из сибирских лесов бурмистром, зовут Котофей Иванович, – за него и вышла.

– Нельзя ли посмотреть его, Лизавета Ивановна?

– У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: коли кто не по нем, сейчас съест! Ты ступай, приготовь быка да принеси ему на поклон; волк барана хочет принести. Да смотри, быка-то положи, а сам схоронись, чтоб Котофей Иванович тебя не увидел, а то, брат, туго придется!

Медведь потащился за быком.

Принес волк барана, ободрал шкуру и стоит в раздумье: смотрит – и медведь лезет с быком.

– Здравствуй, брат Михайло Иваныч!

– Здравствуй, брат Левон! Что, не видал лисицы с мужем?

– Нет, брат, давно ожидаю.

– Ступай, зови.

– Нет, не пойду, Михайло Иваныч! Сам иди, ты посмелей меня.

– Нет, брат Левон, и я не пойду.

Вдруг откуда не взялся – бежит заяц. Медведь как крикнет на него:

– Поди-ка сюда, косой черт!

Заяц испугался, прибежал.

– Ну что, косой пострел, знаешь, где живет лисица?

– Знаю, Михайло Иваныч!

– Ступай же скорее да скажи ей, что Михайло Иваныч с братом Левоном Иванычем давно уж готовы, ждут тебя-де с мужем, хотят поклониться бараном да быком.

Заяц пустился к лисе во всю свою прыть. А медведь и волк стали думать, где бы спрятаться. Медведь говорит:

– Я полезу на сосну.

– А мне что же делать? Я куда денусь? – спрашивает волк. – Ведь я на дерево ни за что не взберусь! Михайло Иваныч! Схорони, пожалуйста, куда-нибудь, помоги горю.

Медведь положил его в кусты и завалил сухим листьем, а сам взлез на сосну, на самую-таки макушку, и поглядывает: не идет ли Котофей с лисою? Заяц меж тем прибежал к лисицыной норе, постучался и говорит лисе:

– Михайло Иваныч с братом Левоном Иванычем прислали сказать, что они давно готовы, ждут тебя с мужем, хотят поклониться вам быком да бараном.

– Ступай, косой! Сейчас будем.

Вот идет кот с лисою. Медведь увидел их и говорит волку:

– Ну, брат Левон Иваныч, идет лиса с мужем; какой же он

маленький!

Пришел кот и сейчас же бросился на быка, шерсть на нем взъерошилась, и начал он рвать мясо и зубами и лапами, а сам мурчит, будто сердится:

– Мало, мало!

А медведь говорит:

– Невелик, да прожорист! Нам четверым не съесть, а ему одному мало; пожалуй, и до нас доберется!

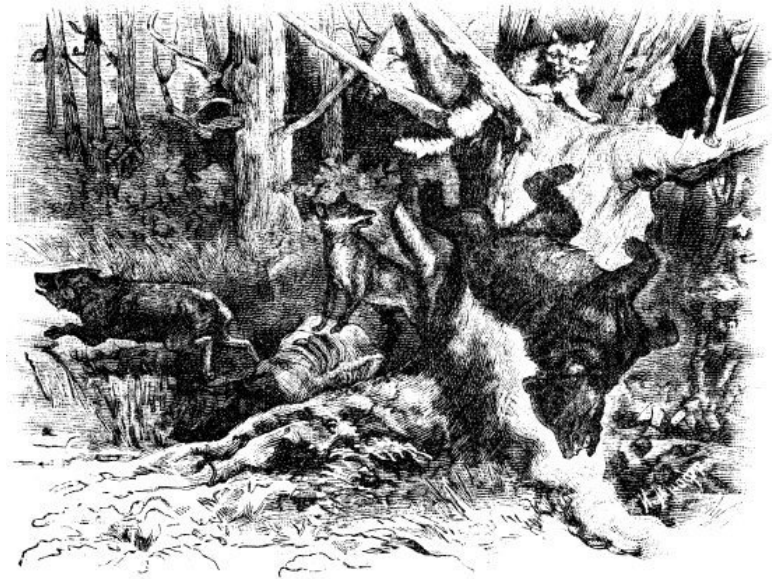
Захотелось волку посмотреть на Котофея Ивановича, да сквозь листья не видать! И начал он прокапывать над глазами листья, а кот услышал, что лист шевелится, подумал, что этомышь, да как кинется и прямо волку в морду вцепился когтями.

Волк вскочил, да давай Бог ноги, и был таков. А кот сам испугался и бросился прямо на дерево, где медведь сидел.

«Ну, – думает медведь, – увидал меня!» Слезать-то некогда, вот он положился на Божью волю да как шмякнется с дерева оземь, все печенки отбил; вскочил – да бежать! А лисица вслед кричит:

– Вот он вам задаст! Погодите!

С той поры все звери стали кота бояться; а кот с лисой запаслись на целую зиму мясом и стали себе жить да поживать, и теперь живут, хлеб жуют.

Напуганные медведь и волки

Жили-были на одном дворе козел да баран; жили промеж себя дружно: сена клочок – и тот пополам, а коли вилы в бок – так одному коту Ваське. Он такой вор и разбойник, за каждый час на промысле, и где плохо лежит – тут у него и брюхо болит.

Вот однажды лежат себе козел да баран и разговаривают промеж себя; где ни взялся котишко-мурлышко, серый лобишко, идет да таково жалостно плачет. Козел да баран и спрашивают:

– Кот-коток, серенький лобок! О чем ты, ходя, плачешь, на трех ногах скачешь?

– Как мне не плакать? Била меня старая баба, била, била, уши выдирала, ноги поломала да еще удавку припасала.

– А за какую вину такая тебе гибель?

– Эх, за то гибель была, что себя не опознал* да сметанку слизал.

И опять заплакал кот-мурлышко.

– Кот-коток, серый лобок! О чем же ты еще плачешь?

– Как не плакать? Баба меня била да приговаривала: «Ко мне придет зять, где будет сметаны взять? За неволю придется колоть козла да барана!»

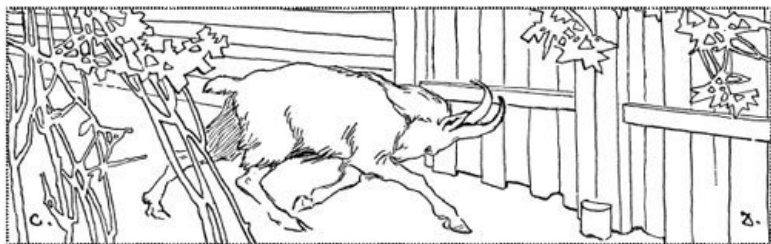
Заревели козел и баран:

– Ах ты серый кот, бестолковый лоб! За что ты нас-то за-

губил? Вот мы тебя забодаем!

Тут мурлыко вину свою приносил и прощенья просил. Они простили его и стали вдвоем думать думать: как быть и что делать?

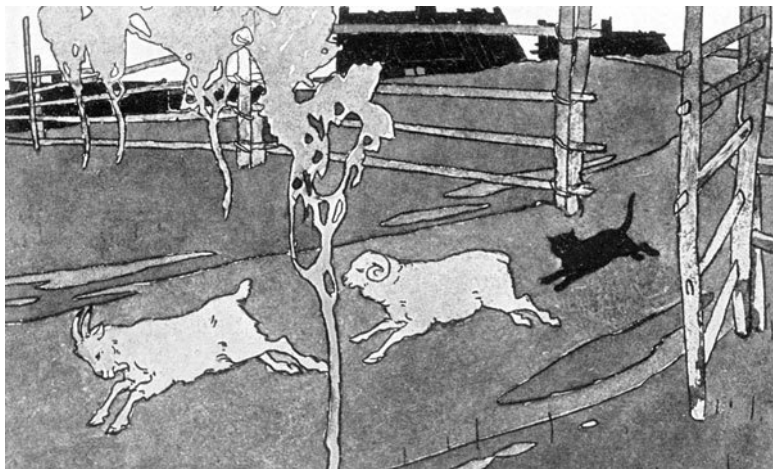
– А что, середний брат баранко, – спросил мурлыко, – крепок ли у тебя лоб: попробуй-ка о ворота.

Баран с разбегу стукнулся о ворота лбом: покачнулись ворота, да не отворились. Поднялся старший брат, мрасище*-козлище, разбежался, ударился – и ворота отворились.

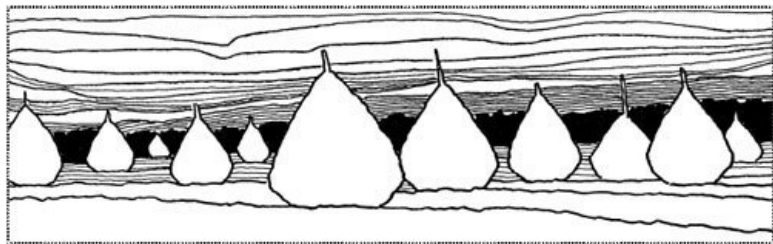
Пыль столбом подымается, трава к земле приклоняется, бегут козел да баран, а за ними скачет на трех ногах кот серый лоб. Устал он и возмолился названным братьям:

– Ни то старший брат, ни то средний брат! Не оставьте меньшого братишку на съедение зверям.

Взял козел, посадил его на себя, и понеслись они опять по горам, по долам, по сыпучим пескам. Долго бежали, и день и ночь, пока в ногах силы хватило.

Вот пришло крутое крутище*, станово становище*; под тем крутищем скошенное поле, на том поле стога что города стоят. Остановились козел, баран и кот отдыхать; а ночь была осенняя, холодная.

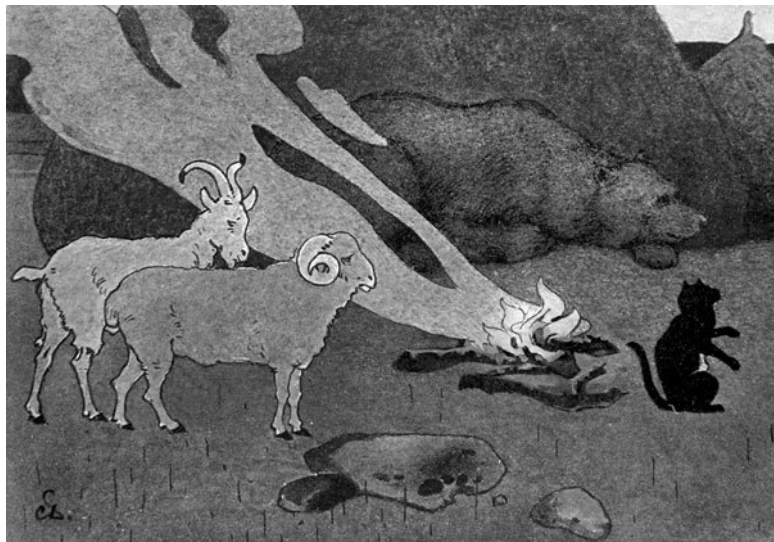

«Где огня добыть?» – думают козел да баран.

А мурлышко уже добыл бересты, обернул козлу рога и велел ему с бараном стукнуться лбами. Стукнулись козел с бараном, да таково крепко, что искры из глаз посыпались; берестечко так и зарыдало*.

– Ладно, – молвил серый кот, – теперь обогреемся, – да за словом и затопил стог сена.

Не успели они путем обогреться, глядь – жалует незванный гость мужик-серячок Михайло Иванович.

– Пустите, – говорит, – обогреться да отдохнуть: что-то неможется.

– Добро жаловать, мужик-серячок муравейничек*! Отку-

да, брат, идешь?

– Ходил на пасеку да подрался с мужиками, оттого и хворь прикинулась; иду к лисе лечиться.

Стали вчетвером темну ночь делить: медведь под стогом, мурлыко на стогу, а козел с бараном у теплыны*.

Идут семь волков серых, восьмой белый – и прямо к стогу.

– Фу-фу, – говорит белый волк, – нерусским духом пахнет. Какой-такой народ здесь? Давайте силу пытаться!

Заблеяли козел и баран со страстей*, а мурлышко такую речь повел:

– Ахти, белый волк, над волками князь! Не серди нашего старшего; он, помилуй Бог, сердит! – как расходится, никому несдобровать. Аль не видите у него бороды: в ней-то и сила, бороною он зверей побивает, а рогами только кожу сымает. Лучше с честью подойдите да попросите: хотим, дескать, поиграть с твоим меньшим братишком, что под стогом-то лежит.

Волки на том козлу кланялись, обступили Мишку и стали его задирать. Вот он крепился, крепился, да как хватит на каждую лапу по волку; запели они Лазаря, выбрались кое-как, да, поджав хвосты, — подавай Бог ноги!

А козел да баран тем времечком подхватили мурлыку и побежали в лес и опять наткнулись на серых волков. Кот вскарабкался на самую макушку ели, козел с бараном схватились передними ногами за еловый сук и повисли.

Волки стоят под елью, зубы оскалили и воют, глядя на козла и барана. Видит кот серый лоб, что дело плохо, стал кидать в волков еловые шишки да приговаривать:

— Раз волк! Два волк! Три волк! Всего-то по волку на бра-

та. Я, мурлышко, давеча двух волков съел, и с косточками, так еще сытехонек; а ты, большой братим*, за медведями ходил, да не изловил, бери себе и мою долю!

Только сказал он эти речи, как козел сорвался и упал прямо рогами на волка. А мурлыко знай свое кричит:

– Держи его, лови его!

Тут на волков такой страх нашел, что со всех ног припустили бежать без оглядки. Так и ушли.

Волк и коза

Жила-была коза, сделала себе в лесу избушку и нарожала деток. Часто уходила коза в бор искать корму. Как только уйдет, козлятки запрут за нею избушку, а сами никуда не выходят.

Воротится коза, постучится в дверь и запоет:

Козлятушки, детятушки!
Отопритесь, отворитесь!
А я, коза, в бору была;
Ела траву шелковúю,
Пила воду студенúю.
Бежит молоко по вымечку,
Из вымечка в копытечко,
Из копытечка в сыру землю!

Козлятки тотчас отопрут двери и впустят мать. Она покормит их и опять уйдет в бор, а козлятки запрутся крепко-накрепко. Волк все это и подслушал; выждал время, и только коза в бор, он подошел к избушке и закричал своим толстым голосом:

Вы, детушки, вы, батюшки,
Отопритесь, отворитесь!
Ваша мать пришла,
Молока принесла.
Полны копытца водицы!

А козлятки отвечают:

– Слышим, слышим – не матушкин голосок! Наша матушка поет тонким голоском и не так причитает.

Волк ушел и спрятался.

Вот приходит коза и стучится:

Козлятушки, детятушки!
Отопритесь, отворитесь!
А я, коза, в бору была;
Ела траву шелковую,
Пила воду студеную.
Бежит молоко по вымечку,
Из вымечка в копытечко,
Из копытечка в сыру землю!

Козлятки впустили мать и рассказали ей, как приходил к ним бирюк* и хотел их поест. Коза покормила их и, уходя в бор, строго-настрого наказала: коли придет кто к избушке и станет проситься толстым голосом и не переберет всего, что она им причитывает, – того ни за что не впускать в двери.

Только что ушла коза, волк прибежал к избе, постучался

и начал причитывать тоненьким голоском:

Козлятушки, детятушки!
Отопритесь, отворитесь!
А я, коза, в бору была;
Ела траву шелковúю,
Пила воду студенúю.
Бежит молоко по вымечку,
Из вымечка в копытечко,
Из копытечка в сыру землю!

Козлятки отперли двери, волк вбежал в избу и всех поел, только один козленочек схоронился, в печь улез.

Приходит коза; сколько ни причитывала – никто ей не отзывается. Подошла поближе к дверям и видит, что все отворено; в избу – а там все пусто; заглянула в печь и нашла одного детища.

Как узнала коза о своей беде, села она на лавку, зачала горько плакать и припевать:

– Ох вы, детушки мои, козлятушки! На что отпирались-отворялись, злому волку доставались? Он вас всех поел и меня, козу, со великим горем, со кручиной сделал.

Услышал это волк, входит в избушку и говорит козе:

– Ах ты, кума, кума! Что ты на меня гресишь? Неужели-таки я сделаю это! Пойдем в лес, погуляем.

– Нет, кум, не до гулянья.

– Пойдем! – уговаривает волк.

Пошли они в лес, нашли яму, а в этой яме разбойники кашу недавно варили, и оставалось в ней еще довольно-таки огня.

Коза говорит волку:

– Кум, давай попробуем, кто перепрыгнет через эту яму?

Стали прыгать. Волк прыгнул, да и ввалился в горячую яму; брюхо у него от огня лопнуло, и козлятки выбежали оттуда да прыг к матери.

И стали они жить да поживать, ума наживать, а лиха избывать.

Волк-дурень

В одной деревне жил-был мужик, у него была собака; смолodu сторожила она весь дом, а как пришла тяжелая старость – и брехать* перестала. Надоела она хозяину; вот он собрался, взял веревку, зацепил собаку за шею и повел ее в лес; привел к осине и хотел было удавить, да как увидел, что у старого пса текут по морде горькие слезы, ему и жалко стало: смиловался, привязал собаку к осине, а сам отправился домой.

Остался бедный пес в лесу и начал плакать и проклинать свою долю. Вдруг идет из-за кустов большущий волк, увидал его и говорит:

– Здравствуй, пестрый кобель! Долгонько поджидал тебя в гости. Бывало, ты прогонял меня от своего дому; а теперь сам ко мне попался: что захочу, то над тобой и сделаю. Уж я тебе за все отплачу!

– А что хочешь ты, серый волчок, надо мною сделать?

– Да немного: съем тебя со всей шкурой и с костями.

– Ах ты, глупый серый волк! С жиру сам не знаешь, что делаешь; таки после вкусной говядины станешь ты жрать старое и худое песье мясо? Зачем тебе понапрасну ломать надо мною свои старые зубы? Мое мясо теперь словно гнилая колода. А вот я лучше тебя научу: поди-ка да принеси мне пудика три хорошей кобылятинки, поправь меня немножко, да тогда и делай со мною что угодно.

Волк дослушал кобеля, пошел и притащил ему половину кобылы.

– Вот тебе и говядинка! Смотри, поправляйся.

Сказал и ушел.

Собака стала прибирать мяско и все поела. Через два дня приходит серый дурак и говорит кобелю:

– Ну, брат, поправился али нет?

– Маленько поправился; коли б еще принес ты мне какую-нибудь овцу, мое мясо сделалось бы не в пример слаще!

Волк и на то согласился, побежал в чистое поле, лег в ложине* и стал караулить, когда погонит пастух свое стадо. Вот пастух гонит стадо; волк повысмотрел из-за куста овцу, которая пожирнее да побольше, вскочил и бросился на нее:

ухватил за шиворот и потащил к собаке.

– Вот тебе овца, поправляйся!

Стала собака поправляться, съела овцу и почувствовала в себе силу. Пришел волк и спрашивает:

– Ну что, брат, каков теперь?

– Еще немножко худ. Вот когда б ты принес мне какого-нибудь кабана, так я бы разжирел, как свинья!

Волк добыл и кабана, принес и говорит:

– Это моя последняя служба! Через два дня приду к тебе в гости.

«Ну ладно, – думает собака, – я с тобою поправлюсь».

Через два дня идет волк к откормленному псу, а пес завидел и стал на него брехать.

– Ах ты, мерзкий кобель, – сказал серый волк, – смеешь ты меня бранить? – и тут же бросился на собаку и хотел ее разорвать.

Но собака собралась уже с силами, стала с волком в дыбки и начала его так потчевать, что с серого только космы летят. Волк вырвался да бежать скорее: отбежал далече, захотел остановиться, да как услышал собачий лай – опять запустился.

Прибежал в лес, лег под кустом и начал зализывать свои раны, что дались ему от собаки.

– Ишь как обманул мерзкий кобель! – говорит волк сам с собою. – Постой же, теперь кого ни попаду, уж тот из моих зубов не вырвется!

Зализал волк раны и пошел за добычей. Смотрит, на горе стоит большой козел; он к нему – и говорит:

– Козел, а козел! Я пришел тебя съесть.

– Ах ты, серый волк! Для чего станешь ты понапрасну ломать об меня свои старые зубы? А ты лучше стань под горою и разинь свою широкую пасть; я разбежусь да таки прямо к тебе в рот, ты меня и проглотишь!

Волк стал под горою и разинул свою широкую пасть, а козел себе на уме, полетел с горы как стрела, ударил волка в лоб, да так крепко, что он с ног свалился. А козел и был таков!

Часа через три очнулся волк, голову так и ломит ему от боли. Стал он думать: проглотил ли он козла или нет? Думал-думал, гадал-гадал.

– Коли бы я съел козла, у меня брюхо-то было бы полнехонько; кажись, он, бездельник, меня обманул! Ну, уж теперь я буду знать, что делать!

Сказал волк и пустился к деревне, увидел свинью с поросятами и бросился было схватить поросенка; а свинья не дает.

– Ах ты, свиная харя! – говорит ей волк. – Как смеешь грубить? Да я и тебя разорву, и твоих поросят за один раз проглочу.

А свинья отвечала:

– Ну, до сей поры не ругала я тебя; а теперь скажу, что ты большой дурачина!

– Как так?

– А вот как! Сам ты, серый, посуди: как тебе есть моих поросят? Ведь они недавно родились. Надо их обмыть. Будь

ты моим кумом, а я твоей кумою, станем их, малых детушек, крестить.

Волк согласился.

Вот хорошо, пришли они к большой мельнице. Свинья говорит волку:

– Ты, любезный кум, становись по ту сторону заставки*, где воды нету, а я пойду, стану поросят в чистую воду окунать да тебе по одному подавать.

Волк обрадовался, думает: «Вот когда попадет в зубы добыча-то!» Пошел серый дурак под мост, а свинья тотчас схватила заставку зубами, подняла и пустила воду. Вода как хлынет, и потащила за собой волка, и почала его вертеть. А свинья с поросятами отправилась домой: пришла, наелась и с детками на мягкую постель спать повалилась.

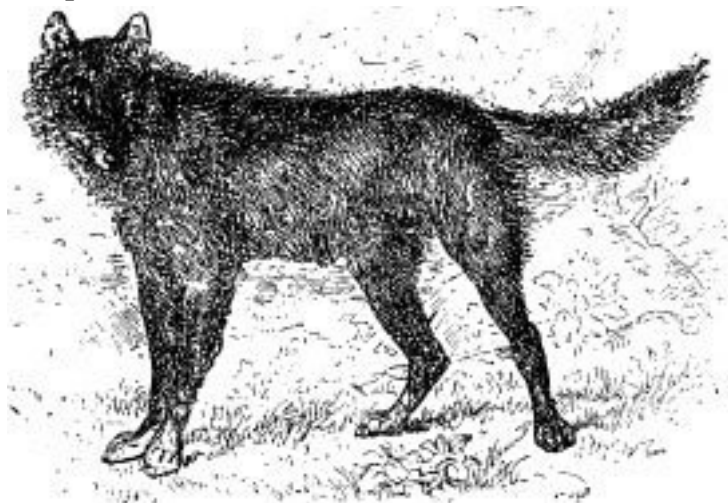
Узнал серый волк лукавство свиньи, насилу кое-как выбрался на берег и пошел с голодным брюхом рыскать по лесу. Долго издыхал он с голоду, не вытерпел, пустился опять к деревне и увидел: лежит около гумна* какая-то падла*.

«Хорошо, – думает, – вот придет ночь, наемся хоть этой падлы».

Нашло на волка неурожайное время, рад и падлою поживиться! Все лучше, чем с голоду зубами пощелкивать да поволчьи песенки распевать.

Пришла ночь; волк пустился к гумну и стал уписывать падлу. Но охотник уж давно его поджидал и приготовил для приятеля пару хороших орехов*; ударил он из ружья, и се-

рый волк покатылся с разбитой головою. Так и скончал свою жизнь серый волк!

Медведь

Жил-был старик да старуха, детей у них не было. Старуха и говорит старику: «Старик, сходи по дрова». Старик пошел по дрова; попал ему навстречу медведь и сказывает:

– Старик, давай бороться.

Старик взял да и отсек медведю топором лапу; ушел домой с лапой и отдал старухе:

– Вари, старуха, медвежью лапу.

Старуха сейчас взяла, содрала кожу, села на нее и начала щипать шерсть, а лапу поставила в печь вариться.

Медведь ревел, ревел, надумался и сделал себе липовую лапу; идет к старику на деревяшке и поет:

Скрипи, нога,
Скрипи, липовая!
И вода-то спит,
И земля-то спит,
И по селам спят,
По деревням спят;
Одна баба не спит,
На моей коже сидит,
Мою шерстку прядет,
Мое мясо варит,
Мою кожу сушит.

В те поры* старик и старуха испугались. Старик спрятался на полати под корыто, а старуха на печь под черные* рубахи. Медведь взошел в избу; старик со страху кряхтит под корытом, а старуха закашляла. Медведь нашел их, взял да и съел.

Медведь, собака и кошка

Жил себе мужик, у него была добрая собака, да как устарела – перестала и лаять и оберегать двор с амбарами. Не захотел мужик кормить ее хлебом, прогнал со двора. Собака ушла в лес и легла под дерево издыхать. Вдруг идет медведь и спрашивает:

– Что ты, кобель, улегся здесь?

– Пришел околевать с голоду! Видишь, нынче какая у людей правда: покуда есть сила – кормят и поят, а как пропадет сила от старости – ну и погонят со двора.

– А что, кобель, хочется тебе есть?

– Еще как хочется-то!

– Ну, пойдем со мною; я тебя накормлю.

Вот и пошли. Попадается им навстречу жеребец.

– Глади на меня! – сказал медведь собаке и стал лапами рвать землю. – Кобель, а кобель!

– Ну что?

– Посмотри-ка, красны ли мои глаза?

– Красны, медведь!

Медведь еще сердитее начал рвать землю.

– Кобель, а кобель! Что – шерсть взъерошилась?

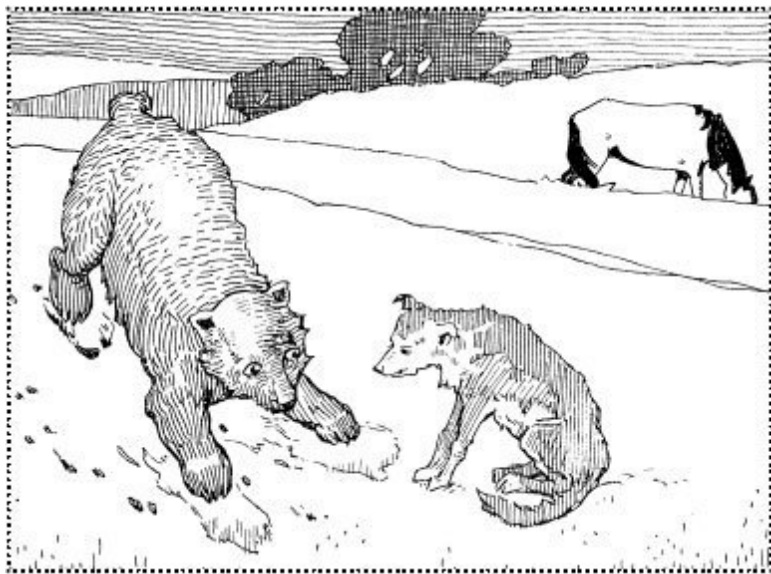
– Взъерошилась, медведь!

– Кобель, а кобель! Что – хвост поднялся?

– Поднялся!

Вот медведь схватил жеребца за брюхо; жеребец упал на-земь. Медведь разорвал его и говорит:

– Ну, кобель, ешь сколько угодно. А как приберешь все, приходи ко мне.

Живет себе кобель, ни о чем не тужит; а как съел все да проголодался опять, побежал к медведю.

– Ну что, брат, съел?

– Съел; теперича опять пришлось голодать.

– Зачем голодать! Знаешь ли, где ваши бабы жнут?

– Знаю.

– Ну, пойдем; я подкрадусь к твоей хозяйке и ухвачу из

зыбки* ее ребенка, ты догоняй меня да отнимай его. Как отнимешь, и отнеси назад; она за то станет тебя по-старому кормить хлебом.

Вот ладно, прибежал медведь, подкрался и унес ребенка из зыбки. Ребенок закричал, бабы бросились за медведем, догоняли, догоняли и не могли нагнать, так и воротились; мать плачет, бабы тужат.

Откуда не взялся кобель, догнал медведя, отнял ребенка и несет его назад.

– Смотрите, – говорят бабы, – старый-то кобель отнял ребенка!

Побежали навстречу. Мать уж так рада-рада.

– Теперича, – говорит, – я этого кобеля ни за что не по-

кину!

Привела его домой, налила молочка, покрошила хлебца и дала ему:

– На, покушай!

А мужику говорит:

– Нет, муженек, нашего кобеля надо беречь да кормить; он моего ребенка у медведя отнял. А ты сказывал, что у него силы нет!

Поправился кобель, отъелся.

– Дай Бог, – говорит, – здоровья медведю! Не дал помереть с голоду, – и стал медведю первый друг.

Раз у мужика была вечеринка. На ту пору медведь пришел к собаке в гости:

– Здорово, кобель! Ну как поживаешь – хлеб поедаеть?

– Слава Богу! – отвечает собака. – Не житье, а масленица. Чем же тебя потчевать? Пойдем в избу. Хозяева загуляли и не увидят, как ты пройдешь; а ты войди в избу да поскорей под печку. Вот я что добуду, тем и стану тебя потчевать.

Ладно, забрались в избу. Кобель видит, что гости и хозяева порядком перепились, и ну угощать приятеля. Медведь выпил стакан, другой, и поразобрало его. Гости затагнули песни, и медведю захотелось, стал свою заводить; а кобель уговаривает:

– Не пой, а то беда будет.

Куды! Медведь не утихает, а все громче заводит песню. Гости услыхали вой, похватили колья и давай бить медведя;

он вырвался да бежать, еле-еле жив уплелся.

Была у мужика еще кошка; перестала ловить мышей и ну проказить: куда ни полезет, а что-нибудь разобьет или из кувшина прольет. Мужик прогнал кошку из дому, а собака видит, что она бедствует без еды, и начала потихоньку носить к ней хлеба да мяса и кормить ее. Хозяйка стала при-сматривать; как узнала про это, принялась кобеля бить; била, била, а сама приговаривала:

– Не таскай кошке говядины, не носи кошке хлеба!

Вот дня через три вышел кобель со двора и видит, что кошка совсем с голоду издыхает.

– Что с тобой?

– С голоду помираю; потуда и сыта была, покуда ты меня кормил.

– Пойдем со мною.

Вот и пошли. Приходит кобель к табуну и начал копать землю лапами, а сам спрашивает:

– Кошка, а кошка! Что – глаза красны?

– Ничего не красны!

– Говори, что красны!

Кошка и говорит:

– Красны.

– Кошка, а кошка! Что – шерсть ошетинилась?

– Нет, не ошетинилась.

– Говори, дура, что ошетинилась.

– Ну, ошетинилась.

– Кошка, а кошка! Что – хвост поднялся?

– Ничего не поднялся.

– Говори, дура, что поднялся!

– Ну, поднялся.

Кобель как бросится на кобылу, а кобыла как ударит его задом: у кобеля и дух вон!

А кошка и говорит:

– Вот теперича и впрямь глаза кровью налились, шерсть взъерошилась и хвост завился. Прощай, брат кобель! И я пойду помирать.

Зимовье зверей

Шел бык лесом; попадается ему навстречу баран. «Куды, баран, идешь?» – спросил бык.

– От зимы лета ищу, – говорит баран.

– Пойдем со мною!

Вот пошли вместе; попадается им навстречу свинья.

– Куды, свинья, идешь? – спросил бык.

– От зимы лета ищу, – отвечает свинья.

– Иди с нами!

Пошли втроем дальше; навстречу им попадается гусь.

– Куды, гусь, идешь? – спросил бык.

– От зимы лета ищу, – отвечает гусь.

– Ну, иди за нами!

Вот гусь и пошел за ними. Идут, а навстречу им петух.

– Куды, петух, идешь? – спросил бык.

– От зимы лета ищу, – отвечает петух.

– Иди за нами!

Вот идут они путем-дорогою и разговаривают промеж себя:

– Как же, братцы-товарищи? Время приходит холодное: где тепла искать?

Бык и сказывает:

– Ну, давайте избу строить, а то и впрямь зимою позамерзнем.

Баран говорит:

– У меня шуба тепла – вишь какая шерсть! Я и так прозимую.

Свинья говорит:

– А по мне хоть какие морозы – я не боюсь: зарюся в землю и без избы прозимую.

Гусь говорит:

– А я сяду в середину ели, одно крыло постелю, а другим оденуся, – меня никакой холод не возьмет; я и так прозимую.

Петух говорит:

– И я тож!

Бык видит – дело плохо, надо одному хлопотать.

– Ну, – говорит, – вы как хотите, а я стану избу строить.

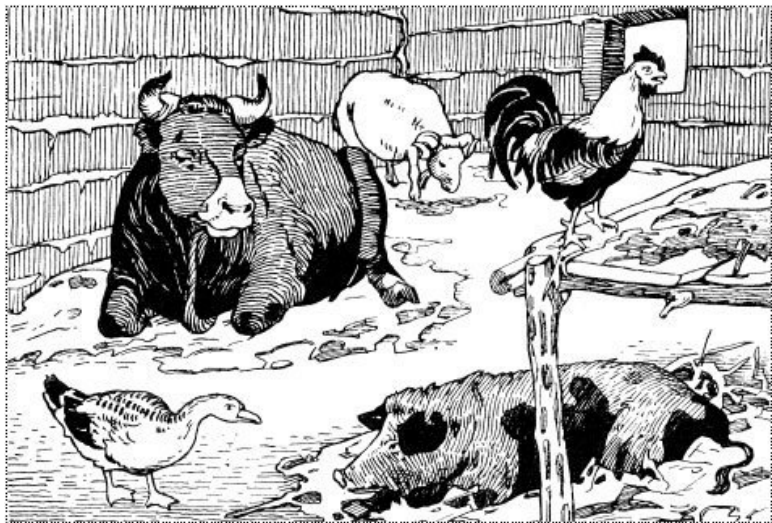
Выстроил себе избушку и живет в ней.

Вот пришла зима холодная, стали пробирать морозы; баран – делать нечего – приходит к быку:

– Пусти, брат, погреться.

– Нет, баран, у тебя шуба тепла; ты и так перезимуешь. Не пушу!

– А коли не пустишь, то я разбежуся и вышибу из твоей избы бревно; тебе же будет холоднее.

Бык думал-думал: «Дай пушу, а то, пожалуй, и меня заморозит», – и пустил барана.

Вот и свинья прозябла, пришла к быку:

– Пусти, брат, погреться.

– Нет, не пушу; ты в землю зароешься и так про зимуешь!

– А не пустишь, так я рылом все столбы подрοю да твою избу уроню.

Делать нечего, надо пустить; пустил и свињу. Тут пришли к быку гусь и петух:

– Пусти, брат, к себе погреться.

– Нет, не пушу. У вас по два крыла: одно постелешь, другим оденешься; и так про зимуете!

– А не пустишь, – говорит гусь, – так я весь мох из твоих

стен повыщиплю; тебе же холоднее будет.

– Не пустишь? – говорит петух. – Так я взлечу на верх*, всю землю с потолка сгребу; тебе же холоднее будет.

Что делать быку? Пустил жить к себе и гуся и петуха.

Вот живут они себе да поживают в избушке.

Отогрелся в тепле петух и зачал песенки распевать. Услышала лиса, что петух песенки распевает, захотелось петушком полакомиться, да как достать его? Лиса поднялась на хитрости, отправилась к медведю да волку и сказала:

– Ну, любезные куманьки, я нашла для всех поживу: для тебя, медведь, быка; для тебя, волк, барана, а для себя петуха.

– Хорошо, кумушка, – говорят медведь и волк, – мы твоих

услуг никогда не забудем! Пойдем же, приколем да поедим!

Лиса привела их к избушке.

— Кум, — говорит она медведю, — отвори дверь, я наперед пойду, петуха съем.

Медведь отворил дверь, а лисица вскочила в избушку. Бык увидел ее и тотчас прижал к стене рогами, а баран зачал осаживать по бокам; из лисы и дух вон.

— Что она там долго с петухом не может управиться? — говорит волк. — Отпирай, брат Михайло Иванович! Я пойду.
— Ну ступай.

Медведь отворил дверь, а волк вскочил в избушку. Бык и его прижал к стене рогами, а баран ну осаживать по бокам, и так его приняли, что волк и дышать перестал.

Вот медведь ждал-ждал:

— Что он до сих пор не может управиться с бараном? Дай я пойду.

Вошел в избушку, а бык да баран и его так же приняли. Насилу вон вырвался и пустился бежать без оглядки.

Кочет и курица

Жили курочка с кочетком*, и пошли они в лес по орехи. Пришли к орешне; кочеток залез на орешню рвать орехи, а курочку оставил на земле подбирать орехи: кочеток кидает, а курочка подбирает.

Вот кинул кочеток орешек, и попал курочке в глазок, и вышиб глазок.

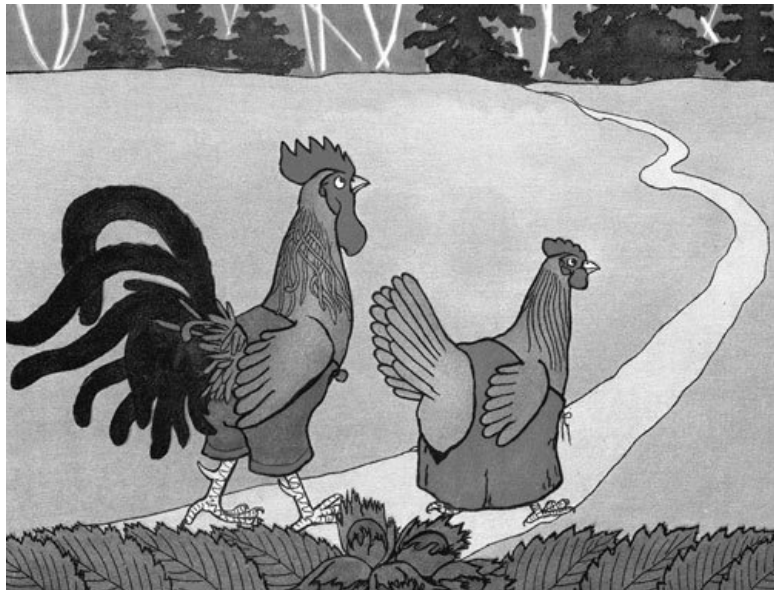
Курочка пошла – плачет. Вот едут бояре и спрашивают:

– Курочка, курочка! Что ты плачешь?

– Мне кочеток вышиб глазок.

– Кочеток, кочеток! На что ты курочке вышиб глазок?

– Мне орешня портки раздрала.

- Орешня, орешня! На что ты кочетку портки раздрала?
- Меня козы подглодали.
- Козы, козы! На что вы орешню подглодали?
- Нас пастухи не берегут.

- Пастухи, пастухи! Что вы коз не бережете?
- Нас хозяйка блинами не кормит.
- Хозяйка, хозяйка! Что ты пастухов блинами не кор-

мишь?

– У меня свинья опару* пролила.

– Свинья, свинья! На что ты у хозяйки опару пролила?

- У меня волк поросеночка унес.
- Волк, волк! На что ты у свињи поросеночка унес?
- Я есть захотел, мне Бог повелел.

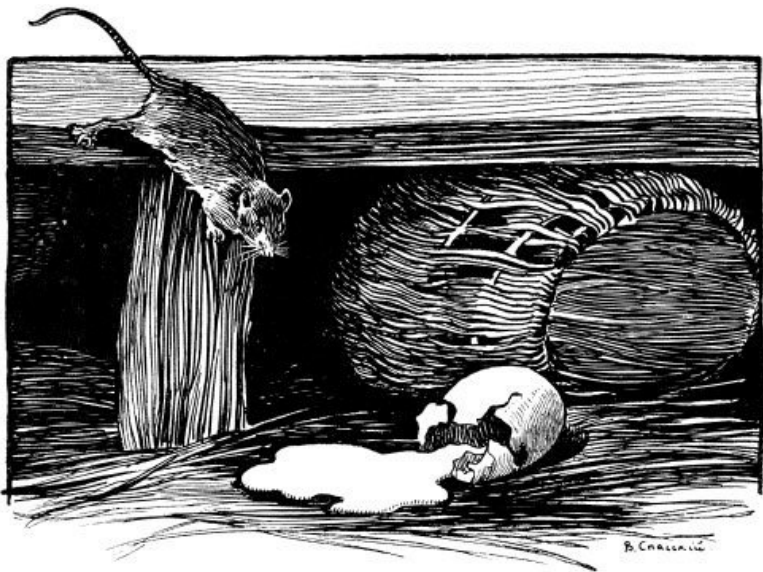
Куручка

Жил-был старик со старушкою, у них была куручка-татарушка, снесла яичко в куте* под окошком: пестро, востро, костяно, мудрено!

Положила на полочку; мышка шла, хвостиком тряхнула, полочка упала, яичко разбилось. Старик плачет, старуха возрыдает, в печи пылает, верх на избе шатается, девочка-внучка с горя удавилась. Идет просвирня*, спрашивает: что они так плачут?

Старики начали пересказывать:

– Как нам не плакать? Есть у нас куручка-татарушка, снесла яичко в куте под окошком: пестро, востро, костяно, мудрено! Положила на полочку; мышка шла, хвостиком тряхнула, полочка упала, яичко и разбилось! Я, старик, плачу, старуха возрыдает, в печи пылает, верх на избе шатается, девочка-внучка с горя удавилась.

Просвирня как услышала – все просвиры изломала и побросала. Подходит дьячок и спрашивает у просвирни: зачем она просвиры побросала?

Она пересказала ему все горе; дьячок побежал на колокольню и перебил все колокола.

Идет поп, спрашивает у дьячка: зачем колокола перебил?
Дьячок пересказал все горе попу, а поп побежал, все книги изорвал.

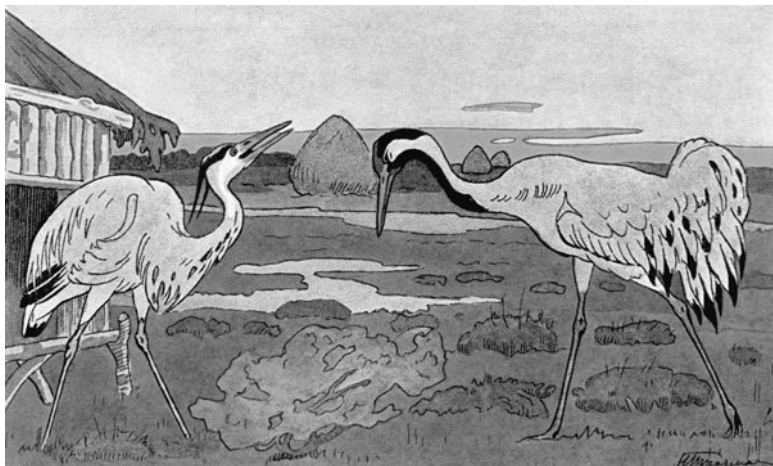
Журавль и цапля

Летала сова – веселая голова; вот она летала, летала и села, да хвостиком повертела, да по сторонам посмотрела и опять полетела; летала-летала и села, хвостиком повертела да по сторонам посмотрела... Это присказка, сказка вся впереди.

Жили-были на болоте журавль да цапля, построили себе по концам избушки.

Журавлю показалось скучно жить одному, и задумал он жениться.

– Дай пойду посватаюсь на цапле!

Пошел журавль – тяп, тят, тят! Семь верст болото месил;

приходит и говорит:

– Дома ли цапля?

– Дома.

– Выдь за меня замуж!

– Нет, журавль, нейду за тя* замуж: у тебя ноги долги, платье коротко, сам худо летаешь, и кормить-то меня тебе нечем! Ступай прочь, долговязый!

Журавль как не солоно похлебал, ушел домой.

Цапля после раздумалась и сказала:

– Чем жить одной, лучше пойду замуж за журавля.

Приходит к журавлю и говорит:

– Журавль, возьми меня замуж!

– Нет, цапля, мне тебя не надо! Не хочу жениться, не беру тебя замуж. Убирайся!

Цапля заплакала со стыда и воротилась назад. Журавль раздумался и сказал:

– Напрасно не взял за себя цаплю; ведь одному-то скучно. Пойду теперь и возьму ее замуж.

Приходит и говорит:

– Цапля! Я вздумал на тебе жениться; поди за меня.

– Нет, журавль, нейду за тя замуж!

Пошел журавль домой.

Тут цапля раздумалась:

– Зачем отказала? Что одной-то жить? Лучше за журавля пойду!

Приходит свататься, а журавль не хочет.

Вот так-то и ходят они по сю пору один на другом свататься, да никак не женятся.

Орел и ворона

Жила-была на Руси ворона, с няньками, с мамками, с маленькими детками, с ближними соседками. Прилетели гуси-лебеди, нанесли яицек; а ворона стала их забижать, стала у них яички таскать.

Случилось лететь мимо сычу; видит он, что ворона больших птиц забижает, и полетел к сизому орлу. Прилетел и просит:

– Батюшка сизый орел! Дай нам праведный суд на шельму ворону.

Сизый орел послал за вороной легкого посла воробья. Воробей тотчас полетел, захватил ворону; она было упираться, воробей давай ее пинками и привел-таки к сизому орлу. Орел стал судить.

– Ах ты, шельма ворона, шаловая* голова, непотребный нос, г... хвост! Про тебя говорят, что ты на чужое добро рот разеваешь, у больших птиц яички таскаешь.

– Напраслина, батюшка сизый орел, напраслина!

- Про тебя же сказывают: выйдет мужичок сеять, а ты выскочишь со всем своим содомом и ну разгребать.
- Напраслина, батюшка сизый орел, напраслина!
- Да еще сказывают: станут бабы жать, нажнут и покладут снопы в поле, а ты выскочишь со всем содомом и опять-таки ну разгребать да ворошить.
- Напраслина, батюшка сизый орел, напраслина!
- Осудили ворону в острог посадить.

Золотая рыбка

На море на океане, на острове на Буяне стояла небольшая ветхая избушка; в той избушке жили старик да старуха. Жили они в великой бедности; старик сделал сеть и стал ходить на море да ловить рыбу: тем только и добывал себе дневное пропитание. Раз как-то закинул старик свою сеть, начал тянуть, и показалось ему так тяжело, как доселева никогда не бывало: еле-еле вытянул. Смотрит, а сеть пуста; всего-навсего одна рыбка попалась, зато рыбка не простая – золотая. Взмолилась ему рыбка человеческим голосом:

– Не бери меня, старичок! Пусти лучше в сине море; я тебе сама пригожусь: что пожелаешь, то и сделаю.

Старик подумал-подумал и говорит:

– Мне ничего от тебя не надобно: ступай гуляй в море!

Бросил золотую рыбку в воду и воротился домой. Спрашивает его старуха:

– Много ли поймал, старик?

– Да всего-навсего одну золотую рыбку, и ту бросил в море; крепко она возмолилась: отпусти, говорила, в сине море; я тебе в пригуду стану: что пожелаешь, все сделаю! Пожалел я рыбку, не взял с нее выкупу, даром на волю пустил.

Ах ты, старый черт! Попалось тебе в руки большое счастье, а ты и владать не сумел.

Озлилась старуха, ругает старика с утра до вечера, не дает ему покоя:

– Хоть бы хлеба у ней выпросил! Ведь скоро сухой корки не будет; что жрать-то станешь?

Не выдержал старик, пошел к золотой рыбке за хлебом; пришел на море и крикнул громким голосом:

– Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой.

Рыбка приплыла к берегу:

– Что тебе, старик, надо?

– Старуха осерчала, за хлебом прислала.

– Ступай домой, будет у вас хлеба вдоволь.

Воротился старик:

– Ну что, старуха, есть хлеб?

– Хлеба-то вдоволь; да вот беда: корыто расколосось, не в чем белье мыть; ступай к золотой рыбке, попроси, чтоб новое дала.

Пошел старик на море:

– Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой.

Приплыла золотая рыбка:

– Что тебе надо, старик?

– Старуха прислала, новое корыто просит.

– Хорошо, будет у вас корыто.

Воротился старик – только в дверь, а старуха опять на него накинулась:

– Ступай, – говорит, – к золотой рыбке, попроси, чтоб новую избу построила; в нашей жить нельзя, того и смотри что развалится!

Пошел старик на море:

– Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой.

Рыбка приплыла, стала к нему головой, в море хвостом и спрашивает:

– Что тебе, старик, надо?

– Построй нам новую избу; старуха ругается, не дает мне покою; не хочу, говорит, жить в старой избушке: она того и смотри вся развалится!

– Не тужи, старик! Ступай домой да молись Богу, все будет сделано.

Воротился старик – на его дворе стоит изба новая, дубовая, с вырезными узорами. Выбегает к нему навстречу старуха, пуще прежнего сердится, пуще прежнего ругается:

– Ах ты, старый пес! Не умеешь ты счастьем пользоваться. Выпросил избу и, чай, думаешь – дело сделал! Нет, сту-

пай-ка опять к золотой рыбке да скажи ей: не хочу я быть крестьянкою, хочу быть воеводихой, чтоб меня добрые люди слушались, при встречах в пояс кланялись.

Пошел старик на море, говорит громким голосом:

– Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой.

Приплыла рыбка, стала в море хвостом, к нему головой:

– Что тебе, старик, надо?

Отвечает старик:

– Не дает мне старуха покою, совсем вздурилась: не хочет быть крестьянкою, хочет быть воеводихой.

– Хорошо, не тужи! Ступай домой да молись Богу, все будет сделано.

Воротился старик, а вместо избы каменный дом стоит, в три этажа выстроен; по двору прислуга бегают, на кухне повара стучат, а старуха в дорогом парчовом платье на высоких креслах сидит да приказы отдает.

– Здравствуй, жена! – говорит старик.

– Ах ты, невежа этакой! Как смел обозвать меня, воеводиху, своею женою? Эй, люди! Взять этого мужичонка на конюшню и отодрать плетью как можно больше.

Тотчас прибежала прислуга, схватила старика за шиворот и потащила в конюшню; начали конюхи угощать его плетью, да так угостили, что еле на ноги поднялся. После того старуха поставила старика дворником; велела дать ему метлу, чтоб двор убирал, а кормить и поить его на кухне. Плохое житье старику: целый день двор убирай, а чуть где

нечисто – сейчас на конюшню! «Экая ведьма! – думает старик. – Далось ей счастье, а она как свинья зарылась, уж и за мужа меня не считает!»

Ни много ни мало прошло времени, придокучило старухе быть воеводихой, потребовала к себе старика и приказывает: – Ступай, старый черт, к золотой рыбке, скажи ей: не хочу я быть воеводихой, хочу быть царицею.

Пошел старик на море:

– Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой!

Приплыла золотая рыбка:

– Что тебе, старик, надо?

– Да что, вздурилась моя старуха пуще прежнего: не хочет быть воеводихой, хочет быть царицею.

– Не тужи! Ступай домой да молись Богу, все будет сделано.

Воротился старик, а вместо прежнего дома высокий дворец стоит под золотою крышею; кругом часовые ходят да ружьями выкидывают; позади большой сад раскинулся, а перед самым дворцом – зеленый луг; на лугу войска собраны. Старуха нарядилась царицею, выступила на балкон с генералами да с боярами и начала делать тем войскам смотр и развод*: барабаны бьют, музыка гремит, солдаты «ура» кричат!

Ни много ни мало прошло времени, придокучило старухе быть царицею, велела разыскать старика и представить пред свои очи светлые. Поднялась суматоха, генералы суеются, бояре бегают:

– Какой такой старик?

Насилу нашли его на заднем дворе, повели к царице.

– Слушай, старый черт! – говорит ему старуха. – Ступай к золотой рыбке да скажи ей: не хочу быть царицею, хочу быть морскою владычицей, чтобы все моря и все рыбы меня слушались.

Старик было отнекиваться; куда тебе! коли не пойдешь – голова долой! Скрепя сердце пошел старик на море, пришел и говорит:

– Рыбка, рыбка! Стань в море хвостом, ко мне головой.

Золотой рыбки нет как нет! Зовет старик в другой раз – опять нету! Зовет в третий раз – вдруг море зашумело, взволновалось; то было светлое, чистое, а тут совсем почернело. Приплывает рыбка к берегу:

– Что тебе, старик, надо?

– Старуха еще пуще вздурилася; уж не хочет быть царицею, хочет быть морскою владычицей, над всеми водами властвовать, над всеми рыбами повелевать.

Ничего не сказала старику золотая рыбка, повернулась и ушла в глубину моря. Старик воротился назад, смотрит и глазам не верит: дворца как не бывало, а на его месте стоит небольшая ветхая избушка, а в избушке сидит старуха в изодранном сарафане. Начали они жить по-прежнему, старик опять принялся за рыбную ловлю; только как часто ни закидывал сетей в море, не удалось больше поймать золотой рыбки.

Терем мухи

Ехал мужик с горшками, потерял большой кувшин. Залетела в кувшин муха и стала в нем жить-поживать. День живет, другой живет. Прилетел комар и стучится:

– Кто в хоромах, кто в высоких?

– Я, муха-шумиха; а ты кто?

– А я комар-пискун.

– Иди ко мне жить.

Вот и стали вдвоем жить.

Прибежала к ним мышь и стучится:

– Кто в хоромах, кто в высоких?

– Я, муха-шумиха, да комар-пискун; а ты кто?

– Я из-за угла хмыстень*.

– Иди к нам жить.

И стало их трое. Прискакала лягушка и стучится:

– Кто в хоромах, кто в высоких?

– Я, муха-шумиха, да комар-пискун, да из-за угла хмыстень; а ты кто?

– Я на воде балагта*.

– Иди к нам жить.

Вот и стало их четверо.

Пришел заяц и стучится:

– Кто в хоромах, кто в высоких?

– Я, муха-шумиха, да комар-пискун, из-за угла хмыстень,

на воде балагта; а ты кто?

Пришла еще лисица и стучится:

– Кто в хоромах, кто в высоких?

– Я, муха-шумиха, да комар-пискун, из-за угла хмыстень, на воде балагта, на поле свертень; а ты кто?

– Я на поле краса.

– Ступай к нам.

Прибрела собака и стучится:

– Кто в хоромах, кто в высоких?

– Я, муха-шумиха, да комар-пискун, из-за угла хмыстень, на воде балагта, на поле свертень, да на поле краса; а ты кто?

– А я гам-гам!

– Иди к нам жить.

Собака влезла. Прибежал еще волк:

– Кто в хоромах, кто в высоких?

– Я, муха-шумиха, да комар-пискун, из-за угла хмыстень, на воде балагта, на поле свертень, на поле краса, да гам-гам; а ты кто?

– Я из-за кустов хап.

– Иди к нам жить.

Вот живут себе все вместе.

Спознал про эти хоромы медведь, приходит и стучится – чуть хоромы живы:

– Кто в хоромах, кто в высоких?

– Я, муха-шумиха, да комар-пискун, из-за угла хмыстень, на воде балагта, на поле свертень, на поле краса, гам-гам, да

из-за кустов хап; а ты кто?

– А я лесной гнёт!

Сел на кувшин и всех раздавил.

Мизгирь

стары годы, в старопрежние, в красну вёсну, в теплые лета сделалась такая соморота*, в мире тягота: стали появляться комары да мошки, людей кусать, горячую кровь пропускать.

Проявился мизгирь*, удалой добрый молодец, стал ножками трясти да мерёжки* плести, ставить на пути, на дорожки, куда летают комары да мошки.

Муха грязна, строка* некошна, полетела, да чуть не пала, да к мизгирию в сеть попала; то* ее мизгирь стал бить, да губить, да за горло давить.

Муха мизгирию возмолилася:

– Батюшка мизгирь! Не бей ты меня, не губи ты меня; у меня много будет детей сиротать*, по дворам ходить и собак дразнить.

То ее мизгирь опустил; она полетела, забунчала*, известила всем комарам и мошкам:

– Ой еси вы, комары и мошки! Убирайтесь под осиново корище*: проявился мизгирь, стал ножками трясти, мерёжки плести, ставить на пути, на дорожки, куда летают комары да мошки; всех изловит!

Они полетели, забились под осиново корище, лежат яко мертвы.

Мизгирь пошел, нашел сверчка, таракана и клопа:

– Ты, сверчок, сядь на кочок* испивать табачок; а ты, та-

ракан, ударь в барабан; а ты, клоп-блинник, поди под осиново корище, проложь про меня, мизгиря-борца, добра молодца, такую славу, что мизгиря-борца, добра молодца, вживе нет: в Казань отослали, в Казани голову отсекли на плахе и плаху раскололи.

Сверчок сел на кочок испивать табачок, а таракан ударил в барабан; клоп-блинник пошел под осиново корище, говорит:

– Что запали, лежите яко* мертвы? Ведь мизгиря-борца, добра молодца, вживе нет: в Казань отослали, в Казани голову отсекли на плахе и плаху раскололи.

Они возрадовались и возвеселились, по трою* перекрестились, полетели, чуть не пали, да к мизгирю все в сеть попали.

Он и говорит:

– Что вы очень мелки! Почаще бы ко мне в гости бывали, пивца-винца испивали и нам бы подавали!

Пузырь, соломинка и лапоть

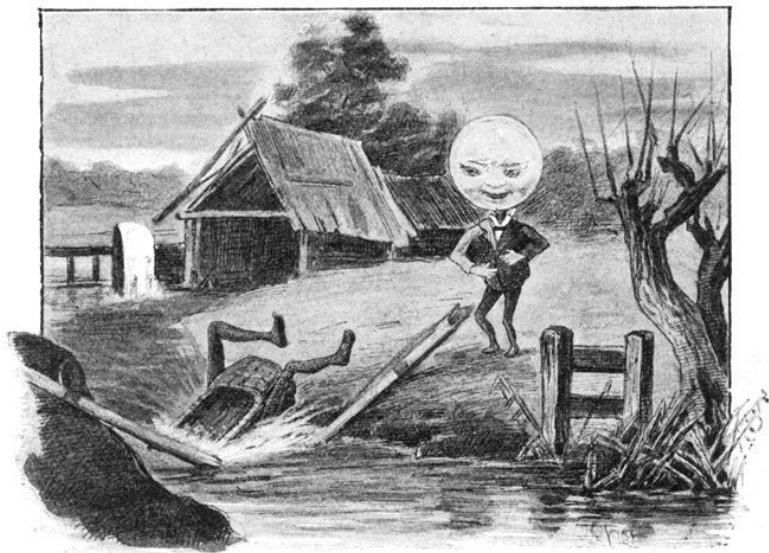
Жили-были пузырь, соломинка и лапоть; пошли они в лес дрова рубить, дошли до реки, не знают: как через реку перейти?

Лапоть говорит пузырю:

– Пузырь, давай на тебе переплывем!

– Нет, лапоть, пусть лучше соломинка перетянется с берега на берег, а мы перейдем по ней.

Соломинка перетянулась; лапоть пошел по ней, она и переломилась. Лапоть упал в воду, а пузырь хохотал, хохотал, да и лопнул!

Репка

Посеял дедка репку; пошел репку рвать, захватился за репку: тянет-потянет, вытянуть не может! Сбóзвал дедка бабку; бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут! Пришла внучка; внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут! Пришла сучка; сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут! Пришла нóга (?). Нóга за сучку, сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут! Пришла дрúга нóга; дрúга нóга за нóгу, нóга за сучку, сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут! (и так далее до пятой нóги). Пришла пята нóга. Пять ног за четыре, четыре нóги за три, три нóги за две, две нóги за нóгу, нóга за сучку, сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут: вытянули репку!

Ведьма и Солнцева сестра

В некотором царстве, далеком государстве, жил-был царь с царицей, у них был сын Иван-царевич, с роду немой. Было ему лет двенадцать, и пошел он раз в конюшню к любимому своему конюху. Конюх этот сказывал ему завсегда сказки, и теперь Иван-царевич пришел послушать от него сказочки, да не то услышал.

– Иван-царевич! – сказал конюх. – У твоей матери скоро родится дочь, а тебе сестра; будет она страшная ведьма, съест и отца, и мать, и всех подначальных людей; так ступай, попроси у отца что ни есть наилучшего коня – будто показаться, и поезжай отсюда куда глаза глядят, коли хочешь от беды избавиться.

Иван-царевич прибежал к отцу и с роду впервой заговорил с ним; царь так этому возрадовался, что не стал и спрашивать: зачем ему добрый конь надобен? Тотчас приказал что ни есть наилучшего коня из своих табунов оседлать для царевича. Иван-царевич сел и поехал куда глаза глядят.

Долго-долго он ехал; наезжает на двух старых швей и просит, чтоб они взяли его с собой жить. Старухи сказали:

– Мы бы рады тебя взять, Иван-царевич, да нам уж немного жить. Вот доломаем сундук иголок да изошьем сундук ниток – тотчас и смерть придет!

Иван-царевич заплакал и поехал дальше. Долго-долго

ехал, подъезжает к Вертодубу и просит:

– Прими меня к себе!

– Рад бы тебя принять, Иван-царевич, да мне жить остается немного. Вот как повыдерну все эти дубы с корнями – тотчас и смерть моя!

Пуще прежнего заплакал царевич и поехал все дальше да дальше. Подъезжает к Вертогору; стал его просить, а он в ответ:

– Рад бы принять тебя, Иван-царевич, да мне самому жить немного. Видишь, поставлен я горы ворочать; как справлюсь с этими последними – тут и смерть моя!

Залился Иван-царевич горькими слезами и поехал еще дальше.

Долго-долго ехал; приезжает, наконец, к Солнцевой сестрице. Она его приняла к себе, кормила-поила, как за родным сыном ходила. Хорошо было жить царевичу, а все нет-нет да и сгрустнется: захочется узнать, что в родном доме делается? Взойдет, бывало, на высокую гору, посмотрит на свой дворец и видит, что все съедено, только стены остались! Вздохнет и заплачет.

Раз этак посмотрел да поплакал – воротился, а Солнцева сестра спрашивает:

– Отчего ты, Иван-царевич, нонче заплаканный?

Он говорит:

– Ветром в глаза надуло.

В другой раз опять то же; Солнцева сестра взяла да и за-

претила ветру дуть.

И в третий раз воротился Иван-царевич заплаканный; да уж делать нечего – пришлось во всем признаваться, и стал он просить Солнцеву сестрицу, чтоб отпустила его, добра молодца, на родину понаведаться. Она его не пускает, а он ее упрашивает; наконец упросил-таки, отпустила его на родину понаведаться и дала ему на дорогу щетку, гребенку да два молодых яблочка: какой бы ни был стар человек, а съест яблочко – вмиг помолодеет!

Приехал Иван-царевич к Вертогору, всего одна гора осталась; он взял свою щетку и бросил во чисто поле; откуда ни взялись – вдруг выросли из земли высокие-высокие горы, верхушками в небо упираются; и сколько тут их – видимо-невидимо! Вертогор обрадовался и весело принялся за работу.

Долго ли, коротко ли – приехал Иван-царевич к Вертодубу, всего три дуба осталось; он взял гребенку и кинул во чисто поле; откуда что – вдруг зашумели, поднялись из земли густые дубовые леса, дерево дерева толще! Вертодуб обрадовался, благодарствовал царевичу и пошел столетние дубы выворачивать.

Долго ли, коротко ли – приехал Иван-царевич к старухам, дал им по яблочку; они съели, вмиг помолодели и подарили ему хусточку*: как махнешь хусточкой – станет позади целое озеро!

Приезжает Иван-царевич домой. Сестра выбежала, встре-

тила его, приголубила:

– Сядь, – говорит, – братец, поиграй на гусях, а я пойду – обед приготовлю.

Царевич сел и брэнчит на гусях; выполз из норы мышонок и говорит ему человеческим голосом:

– Спасайся, царевич, беги скорее! Твоя сестра ушла зубы точить.

Иван-царевич вышел из горницы, сел на коня и поскакал назад; а мышонок по струнам бегаёт: гусли брэнчат, а сестра и не ведает, что братец ушёл. Наточила зубы, бросилась в горницу, глядь – нет ни души, только мышонок в нору скользнул. Разозлилась ведьма, так и скрипит зубами, и пустилась в погоню.

Иван-царевич услышал шум, оглянулся – вот-вот нагонит сестра; махнул хусточкой – и стало глубокое озеро. Пока ведьма переплыла озеро, Иван-царевич далеко уехал.

Понеслась она ещё быстрее... вот уж близко! Вертодуб угадал, что царевич от сестры спасается, и давай вырывать дубы да валить на дорогу; целую гору накидал! Нет ведьме проходу! Стала она путь прочищать, грызла, грызла, насилу продралась, а Иван-царевич уж далеко. Бросилась догонять, гнала-гнала, ещё немножко... и уйти нельзя! Вертогор увидел ведьму, ухватился за самую высокую гору и повернул её как раз на дорогу, а на ту гору поставил другую. Пока ведьма карабкалась да лезла, Иван-царевич ехал да ехал и далеко очутился.

Перебралась ведьма через горы и опять погнала за бра-

том... Завидела его и говорит:

– Теперь не уйдешь от меня!

Вот близко, вот нагонит! В то самое время подскакал Иван-царевич к теремам Солнцевой сестрицы и закричал:

– Солнце, Солнце! Отвори оконце.

Солнцева сестрица отворила окно, и царевич вскочил в него вместе с конем.

Ведьма стала просить, чтоб ей выдали брата головою; Солнцева сестра ее не послушала и не выдала. Тогда говорит ведьма:

– Пусть Иван-царевич идет со мной на весы, кто кого перевесит! Если я перевешу – так я его съем, а если он перевесит – пусть меня убьет!

Пошли; сперва сел на весы Иван-царевич, а потом и ведьма полезла; только ступила ногой, так Ивана-царевича вверх и подбросило, да с такою силою, что он прямо попал на небо, к Солнцевой сестре в терема; а ведьма-змея осталась на земле.

Морозко

У мачехи была падчерица да родная дочка; родная что ни сделает, за все ее гладят по головке да приговаривают: «Умница!» А падчерица как ни угождает – ничем не угодит, все не так, все худо; а надо правду сказать, девочка была золото, в хороших руках она бы как сыр в масле купалась, а у мачехи каждый день слезами умывалась. Что делать? Ветер хоть пошумит, да затихнет, а старая баба расходится – не скоро уймется, все будет придумывать да зубы чесать. И придумала мачеха падчерицу со двора согнать:

– Вези, вези, старик, ее куда хочешь, чтобы мои глаза ее не видали, чтобы мои уши об ней не слышали; да не вози к родным в теплую хату, а во чисто поле на трескун-мороз!

Старик затужил, заплакал; однако посадил дочку на сани, хотел прикрыть попонкой – и то побоялся; повез бездомную во чисто поле, свалил на сугроб, перекрестил, а сам поскорее домой, чтоб глаза не видали дочерниной смерти.

Осталась, бедненькая, трясется и тихонько молитву творит. Приходит Мороз, попрыгивает, поскакивает, на красную девушку поглядывает:

– Девушка, девушка, я Мороз Красный Нос!

– Добро пожаловать, Мороз; знать, Бог тебя принес по мою душу грешную.

Мороз хотел ее тукнуть* и заморозить; но полюбились ему ее умные речи, жаль стало! Бросил он ей шубу. Оделась она в шубу, подожмала ножки, сидит.

Опять пришел Мороз Красный Нос, попрыгивает-поска-

кивает, на красную девушку поглядывает:

– Девушка, девушка, я Мороз Красный Нос!

– Добро пожаловать, Мороз; знать, Бог тебя принес по мою душу грешную.

Мороз пришел совсем не по душу, он принес красной девушке сундук высокий да тяжелый, полный всякого приданого. Уселась она в шубочке на сундучке, такая веселенькая, такая хорошенькая! Опять пришел Мороз Красный Нос, попрыгивает-поскакивает, на красную девушку поглядывает. Она его приветила, а он ей подарил платье, шитое и серебром и золотом. Надела она и стала какая красавица, какая нарядница! Сидит и песенки попевает.

А мачеха по ней поминки справляет; напекла блинов.

– Ступай, муж, вези хоронить свою дочь.

Старик поехал. А собачка под столом:

– Тяв, тяв! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину женихи не берут!

– Молчи, дура! На́ блин, скажи: старухину дочь женихи возьмут, а стариковой одни косточки привезут!

Собачка съела блин да опять:

– Тяв, тяв! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину женихи не берут!

Старуха и блины давала, и би́ла ее, а собачка все свое:

– Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину женихи не возьмут!

Скрипнули ворота, растворились двери, несут сундук высокий, тяжелый, идет падчерица – панья паньей сияет! Мачеха глянула – и руки врозь!

– Старик, старик, запрягай других лошадей, вези мою дочь поскорей! Посади на то же поле, на то же место.

Повез старик на то же поле, посадил на то же место.

Пришел и Мороз Красный Нос, поглядел на свою гостью, попрыгал-поскакал, а хороших речей не дождал; рассердился, хватил ее и убил.

– Старик, ступай, мою дочь привези, лихих коней запряги, да саней не повали, да сундук не оброни!

А собачка под столом:

– Тяв, тяв! Старикову дочь женихи возьмут, а старухиной в мешке косточки везут!

– Не ври! На́ пирог, скажи: старухину в злате, в серебре везут!

Растворились ворота, старуха выбежала встретить* дочь, да вместо ее обняла холодное тело. Заплакала, заголосила, да поздно!

Крошечка-Хаврошечка

Вы знаете, что есть на свете люди и хорошие, есть и похуже, есть и такие, которые Бога не боятся, своего брата не стыдятся: к таким-то и попала Крошечка-Хаврошечка. Осталась она сиротой маленькой; взяли ее эти люди, выкормили и на свет Божий не пустили, над работою каждый день занудили, заморили; она и подает, и прибирает, и за всех и за все отвечает.

А были у хозяйки три дочери большие. Старшая звалась Одноглазка, средняя – Двуглазка, а меньшая – Триглазка; но они только и знали у ворот сидеть, на улицу глядеть, а Крошечка-Хаврошечка на них работала, их обшивала, для них и пряла и ткала, а слова доброго никогда не слыхала. Вот то-то и больно – ткнуть да толкнуть есть кому, а приветить да приохотить нет никого!

Выйдет, бывало, Крошечка-Хаврошечка в поле, обнимет свою рябую корову, ляжет к ней на шейку и рассказывает, как ей тяжело жить-поживать:

– Коровушка-матушка! Меня бьют, журят, хлеба не дают, плакать не велят. К завтраму дали пять пудов напрядь, наткать, побелить, в трубы покатать.

А коровушка ей в ответ:

– Красная девица! Влезь ко мне в одно ушко, а в другое вылезь – все будет сработано.

Так и сбывалось. Вылезет красная девица из ушка – все готово: и наткано, и побелено, и покатоно.

Отнесет к мачехе; та поглядит, покряхтит, спрячет в сун-

дук, а ей еще больше работы задаст. Хаврошечка опять придет к коровушке, в одно ушко влезет, в другое вылезет и готовенькое возьмет принесет.

Дивится старуха, зовет Одноглазку:

– Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! Доглядишь, кто сироте помогает: и ткет, и прядет, и в трубы катает?

Пошла с сиротой Одноглазка в лес, пошла с нею в поле; забыла матушкино приказанье, распеклась на солнышке, разлеглась на травушке; а Хаврошечка приговаривает:

– Спи, глазок, спи, глазок!

Глазок заснул; пока Одноглазка спала, коровушка и наткала и побелила. Ничего мачеха не дозналась, послала Двуглаз-

ку. Эта тоже на солнышке распеклась и на травушке разлеглась, матернино приказанье забыла и глазки смежила; а Хаврошечка баюкает:

– Спи, глазок, спи, другой!

Коровушка наткала, побелила, в трубы покатала; а Двуглазка все еще спала.

Старуха рассердилась, на третий день послала Триглазку, а сироте еще больше работы дала. И Триглазка, как ее старшие сестры, попрыгала-попрыгала и на травушку пала. Хаврошечка поет:

– Спи, глазок, спи, другой! – а об третьем забыла.

Два глаза заснули, а третий глядит и все видит, все – как красная девица в одно ушко влезла, в другое вылезла и готовые холсты подобрала. Все, что видела, Триглазка матери рассказала; старуха обрадовалась, на другой же день пришла к мужу:

– Режь рябую корову!

Старик так-сяк:

– Что ты, жена, в уме ли? Корова молодая, хорошая!

Режь, да и только! Наточил ножик...

Побежала Хаврошечка к коровушке:

– Коровушка-матушка! Тебя хотят резать.

– А ты, красная девица, не ешь моего мяса; косточки мои собери, в платочек завяжи, в саду их рассади и никогда меня не забывай, каждое утро водою их поливай.

Хаврошечка все сделала, что коровушка завещала: голо-

дом голодала, мяса ее в рот не брала, косточки каждый день в саду поливала, и выросла из них яблонька, да какая – Боже мой! Яблочки на ней висят наливные, листвицы* шумят золотые, веточки гнутся серебряные; кто ни едет мимо – останавливается, кто проходит близко – тот заглядывается.

Случилось раз – девушки гуляли по саду; на ту пору ехал по полю барин – богатый, кудреватый, молоденький. Увидел яблочки, затрогал девушек:

– Девуцы-красавицы! – говорит он. – Которая из вас мне яблочко поднесет, та за меня замуж пойдет.

И бросились три сестры одна перед другой к яблоньке. А яблочки то висели низко, под руками были, а то вдруг поднялись высоко-высоко, далеко над головами стали. Сестры хотели их сбить – листья глаза засыпают, хотели сорвать – сучья косы расплетают; как ни бились, ни метались – ручки изодрали, а достать не могли.

Подошла Хаврошечка, и веточки приклонились, и яблочки опустились. Барин на ней женился, и стала она в добре поживать, лиха не знаять.

Баба-яга

Жили себе дед да баба; дед овдовел и женился на другой жене, а от первой жены осталась у него девочка. Злая мачеха ее не полюбила, была ее и думала, как бы вовсе извести.

Раз отец уехал куда-то, мачеха и говорит девочке:

– Поди к своей тетке, моей сестре, попроси у нее иголочку и ниточку – тебе рубашку сшить.

А тетка эта была Баба-яга Костяная Нога.

Вот девочка не была глупа да зашла прежде к своей родной тетке.

– Здравствуй, тетушка!

– Здравствуй, родимая! Зачем пришла?

– Матушка послала к своей сестре попросить иголочку и ниточку – мне рубашку сшить.

Та ее и научает:

– Там тебя, племянushка, будет березка в глаза стегать – ты ее ленточкой перевяжи; там тебе ворота будут скрипеть и хлопать – ты подлей им под пяточки маслица; там тебя собаки будут рвать – ты им хлебца брось; там тебе кот будет глаза драть – ты ему ветчины дай.

Пошла девочка; вот идет, идет и пришла.

Стоит хатка, а в ней сидит Баба-яга Костяная Нога и ткёт.

– Здравствуй, тетушка!

– Здравствуй, родимая!

– Меня матушка послала попросить у тебя иголочку и ниточку – мне рубашку сшить.

– Хорошо, садись покуда ткать.

Вот девочка села за кросна*, а Баба-яга вышла и говорит своей работнице:

– Ступай, истопи баню да вымой племянницу, да смотри, хорошенько; я хочу ею позавтракать.

Девочка сидит ни жива ни мертва, вся перепуганная, и просит она работницу:

– Родимая моя! Ты не столько дрова поджигай, сколько водой заливай, решетом воду носи, – и дала ей платочек.

Баба-яга дожидается; подошла она к окну и спрашивает:

– Ткешь ли, племянушка, ткешь ли, милая?

– Тку, тетушка, тку, милая!

Баба-яга и отошла, а девочка дала коту ветчинки и спрашивает:

– Нельзя ли как-нибудь уйти отсюда?

– Вот тебе гребешок и полотенце, – говорит кот, – возьми их и убежи; за тобою будет гнаться Баба-яга, ты приклони ухо к земле и, как заслышишь, что она близко, брось сперва полотенце – сделается широкая-широкая река; если ж Баба-яга перейдет через реку и станет догонять тебя, ты опять приклони ухо к земле и, как услышишь, что она близко, брось гребешок – сделается дремучий-дремучий лес, сквозь него она уже не проберется!

Девочка взяла полотенце и гребешок и побежала; собаки

хотели ее рвать – она бросила им хлебца, и они ее пропустили; ворота хотели захлопнуться – она подлила им под пяточки маслица, и они ее пропустили; березка хотела ей глаза выстегать – она ее ленточкой перевязала, и та ее пропустила. А кот сел за кросна и ткёт: не столько наткал, сколько напутал. Баба-яга подошла к окну и спрашивает:

– Ткешь ли, племянушка, ткешь ли, милая?

– Тку, тетка, тку, милая! – отвечает грубо кот.

Баба-яга бросилась в хатку, увидела, что девочка ушла, и давай бить кота и ругать, зачем не выцарапал девочке глаза.

– Я тебе сколько служу, – говорит кот, – ты мне косточки не дала, а она мне ветчинки дала.

Баба-яга накинулась на собак, на ворота, на березку и на работницу, давай всех ругать и колотить. Собаки говорят ей:

– Мы тебе сколько служим, ты нам горелой корочки не бросила, а она нам хлебца дала.

Ворота говорят:

– Мы тебе сколько служим, ты нам водицы под пяточки не подлила, а она нам маслица подлила.

Березка говорит:

– Я тебе сколько служу, ты меня ниточкой не перевязала, а она меня ленточкой перевязала.

Работница говорит:

– Я тебе сколько служу, ты мне тряпочки не подарила, а она мне платочек подарила.

Баба-яга Костяная Нога поскорей села на ступу, толкачом

погоняет, помелом след заметает и пустилась в погоню за девочкой. Вот девочка приклонила ухо к земле и слышит, что Баба-яга гонится, и уж близко, взяла да и бросила полотенце: сделалась река, такая широкая-широкая! Баба-яга приехала к реке и от злости зубами заскрипела; воротилась домой, взяла своих быков и пригнала к реке; быки выпили всю реку дочиста.

Баба-яга пустилась опять в погоню. Девочка приклонила ухо к земле и слышит, что Баба-яга близко, бросила гребешок: сделался лес, такой дремучий да страшный! Баба-яга стала его грызть, но сколько ни старалась – не могла прогрызть и воротилась назад.

А дед уже приехал домой и спрашивает:

– Где же моя дочка?

– Она пошла к тетушке, – говорит мачеха.

Немного погодя и девочка прибежала домой.

– Где ты была? – спрашивает отец.

– Ах, батюшка! – говорит она. – Так и так – меня матушка посылала к тетке попросить иголочку с ниточкой – мне рубашку сшить, а тетка, Баба-яга, меня съесть хотела.

– Как же ты ушла, дочка?

Так и так – рассказывает девочка. Дед, как узнал все это, рассердился на жену и расстрелил ее; а сам с дочкою стал жить да поживать да добра наживать, и я там был, мед-пиво

пил: по усам текло, в рот не попало.

Василиса Прекрасная

Жил-был в некотором царстве купец. Двенадцать лет жил он в супружестве и прижил только одну дочь, Василису Прекрасную. Когда мать скончалась, девочке было восемь лет. Умирая, купчиха призвала к себе дочку, вынула из-под одеяла куклу, отдала ей и сказала:

– Слушай, Василисушка! Помни и исполни последние мои слова. Я умираю и вместе с родительским благословени-

ем оставляю тебе вот эту куклу; береги ее всегда при себе и никому не показывай; а когда приключится тебе какое горе, дай ей поесть и спроси у нее совета. Покушает она и скажет тебе, чем помочь несчастью.

Затем мать поцеловала дочку и померла. После смерти жены купец потужил, как следовало, а потом стал думать, как бы опять жениться. Он был человек хороший; за невестами дело не стало, но больше всех по нраву пришлась ему одна вдовушка. Она была уже в годах, имела своих двух дочерей, почти одноленок Василисе, – стало быть, и хозяйка и мать опытная. Купец женился на вдовушке, но обманулся и не нашел в ней доброй матери для своей Василисы. Василиса была первая на все село красавица; мачеха и сестры завидовали ее красоте, мучили ее всевозможными работами, чтоб она от трудов похудела, а от ветру и солнца почернела; совсем житья не было!

Василиса все переносила безропотно и с каждым днем все хорошела и полнела, а между тем мачеха с дочками своими худела и дурнела от злости, несмотря на то что они всегда сидели сложа руки, как барыни. Как же это так делалось? Василисе помогала ее куколка. Без этого где бы девочке сладить со всею работою! Зато Василиса сама, бывало, не съест, а уж куколке оставит самый лакомый кусочек, и вечером, как все улягутся, она запрется в чуланчике, где жила, и потчевает ее, приговаривая:

– На, куколка, покушай, моего горя послушай! Живу я в

доме у батюшки, не вижу себе никакой радости; злая мачеха гонит меня с белого света. Научи ты меня, как мне быть и жить и что делать?

Куколка покушает, да потом и дает ей советы и утешает в горе, а наутро всякую работу справляет за Василису; та только отдыхает в холодочке да рвет цветочки, а у нее уж и гряды выполоты, и капуста полита, и вода наношена, и печь вытоплена. Куколка еще укажет Василисе и травку от загара. Хорошо было жить ей с куколкой.

Прошло несколько лет; Василиса выросла и стала невестой. Все женихи в городе присваиваются к Василисе; на мачехиных дочерей никто и не посмотрит. Мачеха злится пуще прежнего и всем женихам отвечает:

– Не выдам меньшей прежде старших!

А проводя женихов, побоями вымещает зло на Василисе.

Вот однажды купцу понадобилось уехать из дому на долгое время по торговым делам. Мачеха и перешла на житье в другой дом, а возле этого дома был дремучий лес, а в лесу на поляне стояла избушка, а в избушке жила Баба-яга; никого она к себе не подпускала и ела людей, как цыплят. Перебравшись на новоселье, купчиха то и дело посылала за чем-нибудь в лес ненавистную ей Василису, но эта завсегда возвращалась домой благополучно: куколка указывала ей дорогу и не подпускала к избушке Бабы-яги.

Пришла осень. Мачеха раздала всем трем девушкам вечерние работы: одну заставила кружева плести, другую чулки вязать, а Василису прясть, и всем по урокам. Погасила огонь во всем доме, оставила одну свечку там, где работали девушки, и сама легла спать. Девушки работали. Вот нагорело на свечке; одна из мачехиных дочерей взяла щипцы, чтоб поправить светильню, да вместо того, по приказу матери, как будто нечаянно и потушила свечку.

– Что теперь нам делать? – говорили девушки. – Огня нет в целом доме, а уроки наши не кончены. Надо сбегать за огнем к Бабе-яге!

– Мне от булавок светло! – сказала та, что плела кружево. – Я не пойду.

– И я не пойду, – сказала та, что вязала чулок. – Мне от спиц светло!

– Тебе за огнем идти, – закричали обе. – Ступай к Бабе-яге! – и вытолкали Василису из горницы.

Василиса пошла в свой чуланчик, поставила перед куклою приготовленный ужин и сказала:

– На, куколка, покушай да моего горя послушай: меня посылают за огнем к Бабе-яге; Баба-яга съест меня!

Куколка поела, и глаза ее заблестели, как две свечки.

– Не бойся, Василисушка! – сказала она. – Ступай, куда посылают, только меня держи всегда при себе. При мне ничего не случится с тобой у Бабы-яги.

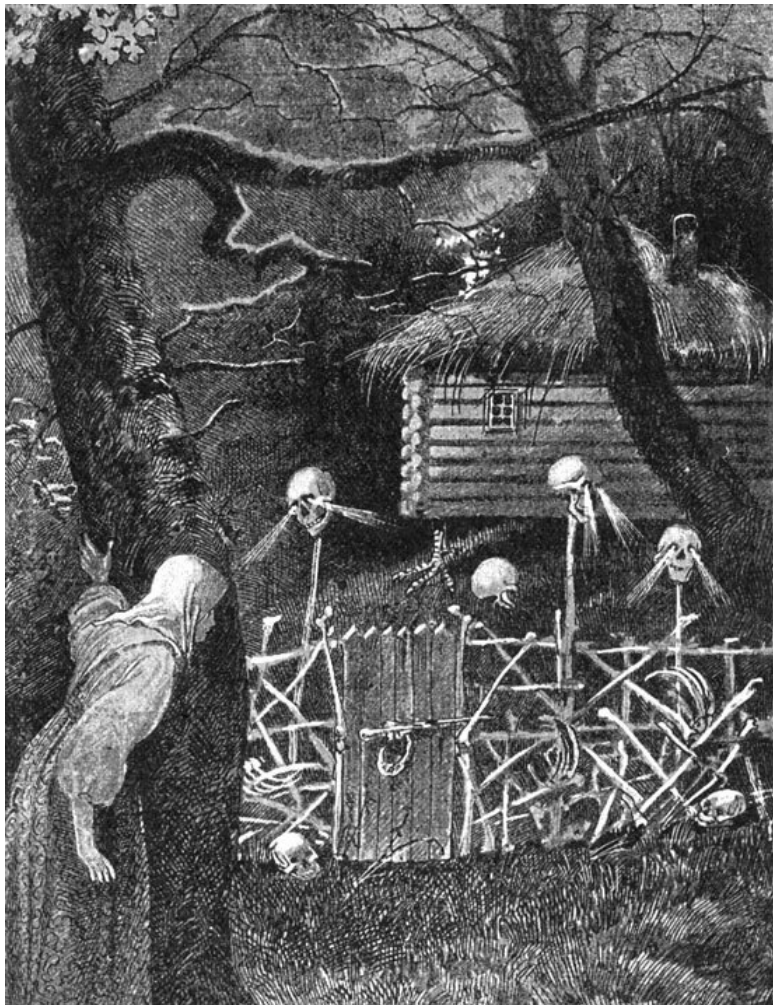
Василиса собралась, положила куколку свою в карман и, перекрестившись, пошла в дремучий лес.

Идет она и дрожит. Вдруг скачет мимо ее всадник: сам белый, одет в белом, конь под ним белый, и сбруя на коне белая, – на дворе стало рассветать.

Идет она дальше, как скачет другой всадник: сам красный, одет в красном и на красном коне, – стало всходить солнце.

Василиса прошла всю ночь и весь день, только к следующему вечеру вышла на полянку, где стояла избушка яги-бабы; забор вокруг избы из человеческих костей, на заборе торчат черепа людские, с глазами; вместо вереи* у ворот – ноги человеческие, вместо запоров – руки, вместо замка – рот с острыми зубами. Василиса обомлела от ужаса и стала как вкопанная. Вдруг едет опять всадник: сам черный, одет во всем черном и на черном коне; подскочил к воротам Бабы-яги и исчез, как сквозь землю провалился, – настала ночь. Но тем-

нота продолжалась недолго: у всех черепов на заборе засветились глаза, и на всей поляне стало светло, как среди дня. Василиса дрожала со страху, но, не зная куда бежать, оставалась на месте.

Скоро послышался в лесу страшный шум: деревья треща-

ли, сухие листья хрустели; выехала из лесу Баба-яга – в ступе едет, пестом погоняет, помелом след замечает. Подъехала к воротам, остановилась и, обнюхав вокруг себя, закричала:

– Фу-фу! Русским духом пахнет! Кто здесь?

Василиса подошла к старухе со страхом и, низко поклонясь, сказала:

– Это я, бабушка! Мачехины дочери прислали меня за огнем к тебе.

– Хорошо, – сказала Баба-яга, – знаю я их, поживи ты наперед да поработай у меня, тогда и дам тебе огня; а коли нет, так я тебя съем!

Потом обратилась к воротам и вскрикнула:

– Эй, запоры мои крепкие, отомкнитесь; ворота мои широкие, отворитесь!

Ворота отворились, и Баба-яга въехала, посвистывая, за нею вошла Василиса, а потом опять все заперлось.

Войдя в горницу, Баба-яга растянулась и говорит Василисе:

– Подавай-ка сюда, что там есть в печи: я есть хочу.

Василиса зажгла лучину от тех черепов, что на заборе, и начала таскать из печки да подавать яге кушанье, а кушанья настряпано было человек на десять; из погреба принесла она квасу, меду, пива и вина. Все съела, все выпила старуха; Василисе оставила только щец немножко, краюшку хлеба да кусочек поросятины. Стала яга-баба спать ложиться и говорит:

– Когда завтра я уеду, ты смотри – двор вычисти, избу

вымети, обед состряпай, белье приготовь да пойдй в закром, возьми четверть пшеницы и очисти ее от чернушки*. Да чтоб все было сделано, а не то – съем тебя!

После такого наказа Баба-яга захрапела; а Василиса поставила старухины объедки перед куклою, залилась слезами и говорила:

– На, куколка, покушай, моего горя послушай! Тяжелую дала мне яга-баба работу и грозитя съесть меня, коли всего не исполню; помоги мне!

Кукла ответила:

– Не бойся, Василиса Прекрасная! Поужинай, помолися да спать ложися; утро мудреней вечера!

Ранешенько проснулась Василиса, а Баба-яга уже встала, выглянула в окно: у черепов глаза потухают; вот мелькнул белый всадник – и совсем рассвело. Баба-яга вышла на двор, свистнула – перед ней явилась ступа с пестом и помелом. Промелькнул красный всадник – взошло солнце. Баба-яга села в ступу и выехала со двора, пестом погоняет, помелом след замечает. Осталась Василиса одна, осмотрела дом Бабы-яги, подивилась изобилию во всем и остановилась в раздумье: за какую работу ей прежде всего приняться. Глядит, а вся работа уже сделана; куколка выбирала из пшеницы последние зерна чернушки.

– Ах ты, избавительница моя! – сказала Василиса кукол-

ке. – Ты от беды меня спасла.

– Тебе осталось только обед состряпать, – отвечала куколка, влезая в карман Василисы. – Состряпай с Богом, да и отдыхай на здоровье!

К вечеру Василиса собрала на стол и ждет Бабу-ягу. Начало смеркаться, мелькнул за воротами черный всадник – и совсем стемнело; только светились глаза у черепов. Затрещали деревья, захрустели листья – едет Баба-яга. Василиса встретила ее.

– Все ли сделано? – спрашивает яга.

– Изволь посмотреть сама, бабушка! – молвила Василиса.

Баба-яга все осмотрела, подосадовала, что не за что рассердиться, и сказала:

– Ну, хорошо!

Потом крикнула:

– Верные мои слуги, сердечные друзья, смелите мою пшеницу!

Явились три пары рук, схватили пшеницу и унесли вон из глаз. Баба-яга наелась, стала ложиться спать и опять дала приказ Василисе:

– Завтра сделай ты то же, что и нынче, да сверх того возьми из закрома мак да очисти его от земли по зернышку, вишь, кто-то по злобе земли в него намешал!

Сказала старуха, повернулась к стене и захрапела, а Василиса принялась кормить свою куколку. Куколка поела и сказала ей по-вчерашнему:

– Молись Богу да ложись спать; утро вечера мудренее, все будет сделано, Василисушка!

Наутро Баба-яга опять уехала в ступе со двора, а Василисa с куколкой всю работу тотчас исправили. Старуха воротилась, оглядела все и крикнула:

– Верные мои слуги, сердечные друзья, выжмите из маку масло!

Явились три пары рук, схватили мак и унесли из глаз. Баба-яга села обедать; она ест, а Василисa стоит молча.

– Что ж ты ничего не говоришь со мною? – сказала Баба-яга. – Стоишь как немая!

– Не смела, – отвечала Василисa, – а если позволишь, то мне хотелось бы спросить тебя кой о чем.

– Спрашивай; только не всякий вопрос к добру ведет: много будешь знать, скоро состареешься!

– Я хочу спросить тебя, бабушка, только о том, что видела: когда я шла к тебе, меня обогнал всадник на белом коне, сам белый и в белой одежде; кто он такой?

– Это день мой ясный, – отвечала Баба-яга.

– Потом обогнал меня другой всадник на красном коне, сам красный и весь в красном одет; это кто такой?

– Это мое солнышко красное! – отвечала Баба-яга.

– А что значит черный всадник, который обогнал меня у самых твоих ворот, бабушка?

– Это ночь моя темная – всё мои слуги верные!

Василисa вспомнила о трех парах рук и молчала.

– Что ж ты еще не спрашиваешь? – молвила Баба-яга.

– Будет с меня и этого; сама ж ты, бабушка, сказала, что много узнаешь – состареешься.

– Хорошо, – сказала Баба-яга, – что ты спрашиваешь только о том, что видала за двором, а не во дворе! Я не люблю, чтоб у меня сор из избы выносили, и слишком любопытных ем! Теперь я тебя спрошу: как успеваешь ты исполнять работу, которую я задаю тебе?

– Мне помогает благословение моей матери, – отвечала Василиса.

– Так вот что! Убирайся же ты от меня, благословенная дочка! Не нужно мне благословенных.

Вытащила она Василису из горницы и вытолкала за ворота, сняла с забора один череп с горящими глазами и, наткнув на палку, отдала ей и сказала:

– Вот тебе огонь для мачехиных дочек, возьми его; они ведь за этим тебя сюда и прислали.

Бегом пустилась Василиса при свете черепа, который погас только с наступлением утра, и, наконец, к вечеру другого дня добралась до своего дома. Подходя к воротам, она хотела было бросить череп. «Верно, дома, — думает себе, — уж больше в огне не нуждаются». Но вдруг послышался глухой голос из черепа:

— Не бросай меня, неси к мачехе!

Она взглянула на дом мачехи и, не видя ни в одном окне огонька, решила идти туда с черепом. Впервые встретили ее ласково и рассказали, что с той поры, как она ушла, у них не было в доме огня: сами высечь никак не могли, а который огонь приносили от соседей — тот погасал, как только входили с ним в горницу.

– Авось твой огонь будет держаться! – сказала мачеха.

Внесли череп в горницу; а глаза из черепа так и глядят на мачеху и ее дочерей, так и жгут! Те было прятаться, но куда ни бросятся – глаза всюду за ними так и следят; к утру совсем сожгло их в уголь; одной Василисы не тронуло.

Путру Василиса зарыла череп в землю, заперла дом на замок, пошла в город и попросилась на житье к одной безродной старушке; живет себе и поджидает отца. Вот как-то говорит она старушке:

– Скучно мне сидеть без дела, бабушка! Сходи, купи мне льну самого лучшего; я хоть прясть буду.

Старушка купила льну хорошего; Василиса села за дело, работа так и горит у нее, и пряжа выходит ровная да тонкая, как волосок. Набралось пряжи много; пора бы и за тканье приниматься, да таких берд* не найдут, чтобы годились на Василисину пряжу; никто не берется и сделать-то. Василиса стала просить свою куколку, та и говорит:

– Принеси-ка мне какое-нибудь старое бердо, да старый челнок, да лошадиной гривы; я все тебе смастерю.

Василиса добыла все, что надо, и легла спать, а кукла за ночь приготовила славный стан. К концу зимы и полотно выткано, да такое тонкое, что сквозь иглу вместо нитки продеть можно. Весною полотно выбелили, и Василиса говорит старухе:

– Продай, бабушка, это полотно, а деньги возьми себе.

Старуха взглянула на товар и ахнула:

– Нет, дитяtko! Такого полотна, кроме царя, носить никому; понесу во дворец.

Пошла старуха к царским палатам да все мимо окон похаживает. Царь увидал и спросил:

– Что тебе, старушка, надобно?

– Ваше царское величество, – отвечает старуха, – я принесла диковинный товар; никому, кроме тебя, показать не хочу.

Царь приказал впустить к себе старуху и как увидел полотно – вздивовался.

– Что хочешь за него? – спросил царь.

– Ему цены нет, царь-батюшка! Я тебе в дар его принесла.

Поблагодарил царь и отпустил старуху с подарками.

Стали царю из того полотна сорочки шить; вскрыли, да нигде не могли найти швеи, которая взялась бы их работать. Долго искали; наконец царь позвал старуху и сказал:

– Умела ты напрядь и соткать такое полотно, умей из него и сорочки сшить.

– Не я, государь, пряла и соткала полотно, – сказала старуха, – это работа приемыша моего – девушки.

– Ну так пусть и сошьет она!

Воротилась старушка домой и рассказала обо всем Василисе.

– Я знала, – говорит ей Василиса, – что эта работа моих рук не минует.

Заперлась в свою горницу, принялась за работу; шила она

не покладывая рук, и скоро дюжина сорочек была готова.

Старуха понесла к царю сорочки а Василиса умылась, причесалась, оде лась и села под окном. Сидит себе ждет, что будет. Видит: на двор к стару хе идет царский слуга; вошел в горниц и говорит:

– Царь-государь хочет видеть ис кусницу, что работала ему сорочки и наградить ее из своих царских рук.

Пошла Василиса и явилась пре очи царские. Как увидел царь Василису Прекрасную, так и влюбился в нее без памяти.

– Нет, – говорит он, – красавица моя! Не расстанусь я с тобою; ты будешь моей женою.

Тут взял царь Василису за белые руки, посадил ее подле

себя, а там и свадьбу сыграли. Скоро воротился отец Василисы, порадовался об ее судьбе и остался жить при дочери. Старушку Василиса взяла к себе, а куколку по конец жизни своей всегда носила в кармане.

Баба-яга и Заморышек

Жил-был старик да старуха; детей у них не было. Уж чего они ни делали, как ни молились Богу, а старуха все не рожала. Раз пошел старик в лес за грибами; попадаетея ему дорогою старый дед.

– Я знаю, – говорит, – что у тебя на мыслях; ты все об детях думаешь. Поди-ка по деревне, собери с каждого двора по яйчку и посади на те яйца клушку*; что будет, сам увидишь!

Старик воротился в деревню; в ихней деревне был сорок один двор; вот он обошел все дворы, собрал с каждого по яйчку и посадил клушку на сорок одно яйцо.

Прошло две недели, смотрит старик, смотрит и старуха – а из тех яйчек народились мальчики; сорок крепких, здоровеньких, а один не удался – хил да слаб! Стал старик давать мальчикам имена; всем дал, а последнему не достало имени.

– Ну, – говорит, – будь же ты Заморышек!

Растут у старика со старухой детки, растут не по дням, а по часам; выросли и стали работать, отцу с матерью помогать: сорок мблодцев в поле возятся, а Заморышек дома управляется. Пришло время сенокосное; братья траву косили, стога ставили, поработали с неделю и вернулись на деревню; поели, что Бог послал, и легли спать. Старик смотрит и говорит:

– Молодо-зелено! Едят много, спят крепко, а дела, поди, ничего не сделали!

– А ты прежде посмотри, батюшка! – отзывается Заморышек.

Старик снарядился и поехал в луга; глянул – сорок стогов сметано.

– Ай да молодцы ребята! Сколько за одну неделю накосили и в стога сметали.

На другой день старик опять собрался в луга, захотелось на свое добро полюбоваться; приехал – а одного стога как не бывало! Воротился домой и говорит:

– Ах, детки! Ведь один стог-то пропал.

– Ничего, батюшка! – отвечает Заморышек. – Мы этого вора поймаем; дай-ка мне сто рублей, а уж я дело сделаю.

Взял у отца сто рублей и пошел к кузнецу:

– Можешь ли сковать мне такую цепь, чтоб хватило с ног до головы обвить человека?

– Отчего не сковать!

– Смотри же, делай покрепче; коли цепь выдержит – сто рублей плачу, а коли лопнет – пропал твой труд!

Кузнец сковал железную цепь; Заморышек обвил ее вокруг себя, потянул – она и лопнула. Кузнец вдвое крепче сделал; ну, та годилась. Заморышек взял эту цепь, заплатил сто рублей и пошел сено караулить; сел под стог и дожидается. Вот в самую полночь поднялась погода, всколыхалось море, и выходит из морской глубины чудная кобылица, подбежа-

ла к первому стогу и принялась пожирать сено. Заморышек подскочил, обротал* ее железной цепью и сел верхом. Стала его кобылица мыкать, по долам, по горам носить; нет, не в силах седока сбить! Остановилась она и говорит ему:

– Ну, добрый мóлодец, когда сумел ты усидеть на мне, то возьми-владей моими жеребьями.

Подбежала кобылица к синю морю и заржала; тут сине море всколыхалось, и вышли нá берег сорок один жеребец; конь коня лучше! Весь свет изойди, нигде таких не найдешь! Утром слышит старик на дворе ржанье, топот; что такое? а это Заморышек целый табун пригнал.

– Здорово, – говорит, – братцы! Теперь у всех у нас по коню есть; поедemте невест себе искать.

– Поедем!

Отец с матерью благословили их, и поехали братья в путь-дорогу далекую.

Долго они ездили по белому свету, да где столько невест найти? Порознь жениться не хочется, чтоб никому обидно не было; а какая мать похвалится, что у ней как раз сорок одна дочь народилась?

Заехали мóлодцы за тридевять земель; смотрят: на крутой горе стоят белокаменные палаты, высокой стеной обведены, у ворот железные столбы поставлены. Сосчитали – сорок один столб. Вот они привязали к тем столбам своих богатырских коней и идут на двор. Встречает их Баба-яга:

– Ах вы, незванные-непрошенные! Как вы смели лошадей

без спросу привязывать?

– Ну, старая, чего кричишь? Ты прежде напой-накорми, в баню своди, да после про вести и спрашивай.

Баба-яга накормила их, напоила, в баню сводила и стала спрашивать:

– Что, добрые мóлодцы, дела пытаете иль от дела лытаете*?

– Дела пытаем, бабушка!

– Чего ж вам надобно?

– Да невест ищем.

– У меня есть дочери, – говорит Баба-яга, бросилась в высокие терема и вывела сорок одну дéвицу.

Тут они сосватались, начали пить, гулять, свадьбы справлять. Вечером пошел Заморышек на своего коня посмотреть. Увидел его добрый конь и промолвил человеческим голосом:

– Смотри, хозяин! Как ляжете вы спать с молодыми женами, нарядите их в свои платья, а на себя наденьте женины; не то все пропадем!

Заморышек сказал это братьям; нарядили они молодых жен в свои платья, а сами оделись в женины и легли спать. Все заснули, только Заморышек глаз не смыкает. В самую полночь закричала Баба-яга зычным голосом:

– Эй вы, слуги мои верные! Рубите незванным гостям буйны головы.

Прибежали слуги верные и отрубили буйны головы доче-

рям Бабы-яги. Заморышек разбудил своих братьев и рассказал все, что было; взяли они отрубленные головы, воткнули на железные спицы кругом стены, потом оседлали коней и поехали наскоро.

Почтучу встала Баба-яга, глянула в окошечко – кругом стены торчат на спицах дочерние головы; страшно она озлобилась, приказала подать свой огненный щит, поскакала в погоню и начала палить щитом на все четыре стороны. Куда мóлодцам спрятаться? Впереди сине море, позади Баба-яга – и жжет и палит! Помирать бы всем, да Заморышек догадлив был: не забыл он захватить у Бабы-яги платочек, махнул тем платочком перед собою – и вдруг перекинулся мост через все сине море; переехали добрые мóлодцы на другую сторону. Заморышек махнул платочком в иную сторону – мост исчез, Баба-яга воротилась назад, а братья домой поехали.

Гуси-лебеди

Жили старичок со старушкою; у них была дочка да сыночек маленький.

– Дочка, дочка! – говорила мать. – Мы пойдем на работу, принесем тебе булочку, сошьем платице, купим платочек; будь умна, береги братца, не ходи со двора.

Старшие ушли, а дочка забыла, что ей приказывали; посадила братца на травке под окошком, а сама побежала на улицу, заигралась, загулялась. Налетели гуси-лебеди, подхватили мальчика, унесли на крылышках.

Пришла девочка, глядь – братца нету! Ахнула, кинулась туда-сюда – нету! Кликала, заливалась слезами, причитывала, что худо будет от отца и матери, – братец не откликнулся! Выбежала в чистое поле; метнулись вдалеке гуси-лебеди и пропали за темным лесом.

Гуси-лебеди давно себе дурную славу нажили, много шкодили и маленьких детей крадывали; девочка угадала, что они унесли ее братца, бросилась их догонять. Бежала, бежала, стоит печка.

– Печка, печка, скажи, куда гуси полетели?

– Съешь моего ржаного пирожка – скажу.

– О, у моего батюшки пшеничные не едятся!

Печь не сказала.

Побежала дальше, стоит яблонь.

– Яблонь, яблонь, скажи, куда гуси полетели?

– Съешь моего лесного яблока – скажу.

– О, у моего батюшки и садовые не едятся!

Побежала дальше, стоит молочная речка, кисельные берега.

– Молочная речка, кисельные берега, куда гуси полетели?

– Съешь моего простого киселика с молоком – скажу.

– О, у моего батюшки и сливочки не едятся!

И долго бы ей бегать по полям да бродить по лесу, да, к счастью, попался еж; хотела она его толкнуть, побоялась наколоться и спрашивает:

– Ежик, ежик, не видал ли, куда гуси полетели?

– Вон туда-то! – указал.

Побежала – стоит избушка на курьих ножках, стоит-поворачивается. В избушке сидит Баба-яга, морда жилиная, нога глиняная; сидит и братец на лавочке, играет золотыми яблочками. Увидела его сестра, подкралась, схватила и унесла; а гуси за нею в погоню летят; нагонят злодеи, куда деваться? Бежит молочная речка, кисельные берега.

– Речка-матушка, спрячь меня!

– Съешь моего киселика!

Нечего делать, съела. Речка ее посадила под бережок, гуси пролетели. Вышла она, сказала: «Спасибо!» и опять бежит с братцем; а гуси воротились, летят навстречу. Что делать? Беда! Стоит яблонь.

– Яблонь, яблонь-матушка, спрячь меня!

– Съешь мое лесное яблочко!

Поскорей съела. Яблонь ее заслонила веточками, прикрыла листиками; гуси пролетели. Вышла и опять бежит с братцем, а гуси увидели – да за ней; совсем налетают, уж крыльями бьют, того и гляди – из рук вырвут! К счастью, на дороге печка.

– Сударыня печка, спрячь меня!

– Съешь моего ржаного пирожка!

Девушка поскорей пирожок в рот, а сама в печь, села в устье. Гуси полетали-полетали, покричали-покричали и ни с чем улетели. А она прибежала домой, да хорошо еще, что успела прибежать, а тут и отец и мать пришли.

Иван Быкович

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь с царицею; детей у них не было. Стали они Бога молить, чтоб создал им детище во младости на поглядение, а под старость на прокормление; помолились, легли спать и уснули крепким сном.

Во сне им привиделось, что недалеко от дворца есть тихий пруд, в том пруде златоперый ерш плавает; коли царица его скушает, сейчас может забеременеть. Просыпались царь с царицею, кликали к себе мамок и нянек, стали им рассказывать свой сон. Мамки и няньки так рассудили: что во сне привиделось, то и наяву может случиться.

Царь призвал рыбаков и строго наказал поймать ерша златоперого.

На заре пришли рыбаки на тихий пруд, закинули сети, и на их счастье с первой ж тонею* попался златоперый ерш. Вынули его, принесли во дворец; как увидела царица, не могла на месте усидеть, скоро к рыбакам подбегала, за руки хватала, большой казной* награждала; после позвала свою любимую кухарку и отдавала ей ерша златоперого с рук на руки:

– На, приготовь к обеду, да смотри, чтобы никто до него не дотронулся.

Кухарка вычистила ерша, вымыла и сварила, помои на двор выставила; по двору ходила корова, те помои выпила;

рыбку съела царица, а посуду кухарка подлизала.

И вот разом забрюхатели: и царица, и ее любимая кухарка, и корова, и разрешились все в одно время тремя сыновьями: у царицы родился Иван-царевич, у кухарки – Иван кухаркин сын, у коровы – Иван Быкович.

Стали ребятки расти не по дням, а по часам; как хорошее тесто на опаре поднимается, так и они вверх тянутся. Все три молодца на одно лицо удались, и признать нельзя было, кто из них дитя царское, кто – кухаркино и кто от коровы родился. Только по тому и различали их: как воротятся с гулянья, Иван-царевич просит белье переменить, кухаркин сын норовит съесть что-нибудь, а Иван Быкович прямо на отдых ложится.

По десятому году пришли они к царю и говорят:

– Любезный наш батюшка! Сделай нам железную палку в пятьдесят пудов.

Царь приказал своим кузнецам сковать железную палку в пятьдесят пудов; те принялись за работу и в неделю сделали. Никто палки за один край приподнять не может, а Иван-царевич, да Иван кухаркин сын, да Иван Быкович между пальцами ее повертывают, словно перо гусиное.

Вышли они на широкий царский двор.

– Ну, братцы, – говорит Иван-царевич, – давайте силу пробовать: кому быть большим братом.

– Ладно, – отвечал Иван Быкович, – бери палку и бей нас по плечам.

Иван-царевич взял железную палку, ударил Ивана кухаркина сына да Ивана Быковича по плечам и вбил того и другого по колена в землю. Иван кухаркин сын ударил – вбил Ивана-царевича да Ивана Быковича по самую грудь в землю; а Иван Быкович ударил – вбил обоих братьев по самую шею.

– Давайте, – говорит царевич, – еще силу попытаем: станем бросать железную палку кверху; кто выше забросит – тот будет больший брат.

– Ну что ж, бросай ты!

Иван-царевич бросил – палка через четверть часа назад упала, Иван кухаркин сын бросил – палка через полчаса упала, а Иван Быкович бросил – только через час воротилась.

– Ну, Иван Быкович, будь ты большой* брат.

После того пошли они гулять по саду и нашли громадный камень.

– Ишь какой камень! Нельзя ль его с места сдвинуть? – сказал Иван-царевич, уперся в него руками, возился, возился – нет, не берет сила.

Попробовал Иван кухаркин сын – камень чуть-чуть подвинулся. Говорит им Иван Быкович:

– Мелко же вы плаваете! Пойдите, я попробую.

Подошел к камню да как двинет его ногою – камень аж-но* загудел, покатился на другую сторону сада и переломал много всяких деревьев. Под тем камнем подвал открылся, в подвале стоят три коня богатырские, по стенам висит сбруя ратная: есть на чем добрым молодцам разгуляться!

Тотчас побежали они к царю и стали проситься:

– Государь-батюшка! Благослови нас в чужие земли ехать, самим на людей посмотреть, себя в людях показать.

Царь их благословил, на дорогу казной наградил; они с царем простились, сели на богатырских коней и в путь-дорогу пустились.

Ехали по долам, по горам, по зеленым лугам и приехали в дремучий лес; в том лесу стоит избушка на курячих ножках, на бараньих рожах, когда надо – повертывается.

– Избушка, избушка, повернись к нам передом, к лесу задом; нам в тебя лезть, хлеба-соли есть.

Избушка повернулась. Добрые молодцы входят в избушку – на печке лежит Баба-яга Костяная Нога, из угла в угол, нос в потолок.

Фу-фу-фу! Прежде русского духу слыхом не слыхано, видом не видано; нынче русский дух на ложку садится, сам в рот катится.

– Эй, старуха, не бранись, слезь-ка с печки да на лавочку садись. Спроси: куда едем мы? Я добренько скажу.

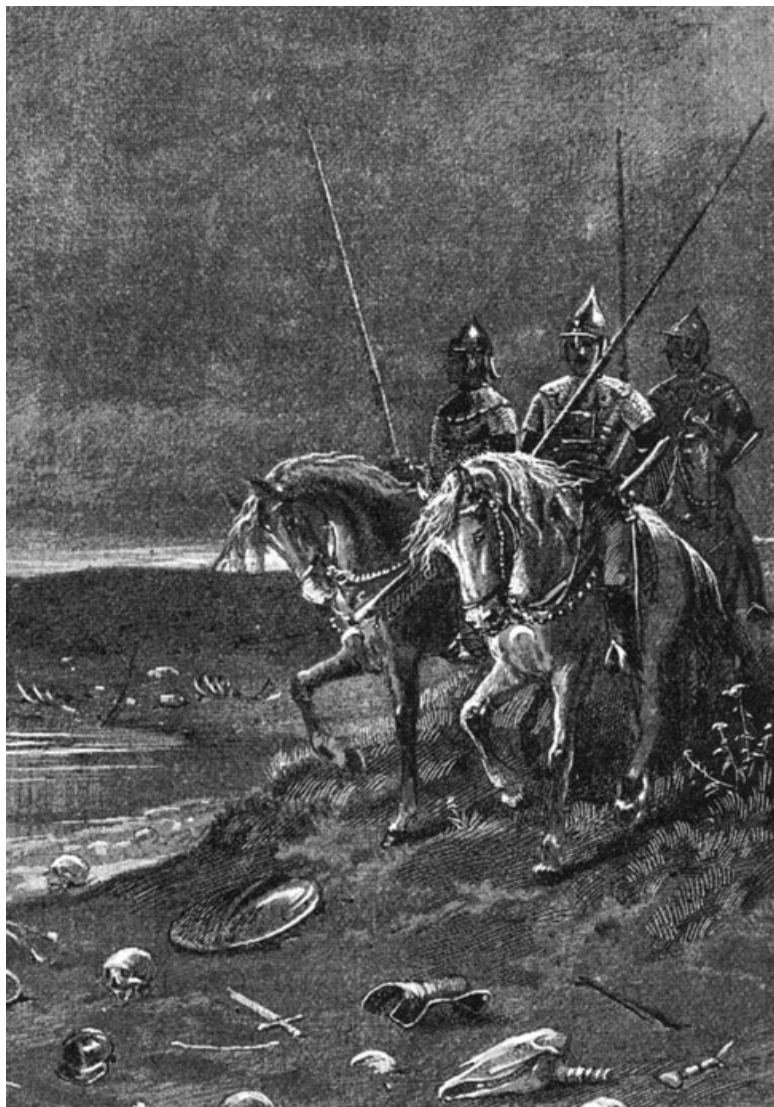
Баба-ягаслезла с печки, подходила к Ивану Быковичу близко, кланялась ему низко:

– Здравствуй, батюшка Иван Быкович! Куда едешь, куда путь держишь?

– Едем мы, бабушка, на́ реку Смородину, на калиновый мост; слышал я, что там не одно Чудо-юдо живет.

– Ай да Ванюша! За дело хватился; ведь они, злодеи, всех

приполонили, всех разорили, ближние царства шаром покати.

Братья переночевали у Бабы-яги, поутру рано встали и отправились в путь-дорогу. Приезжают к реке Смородине; по всему берегу лежат кости человеческие, по колено будет навалено! Увидали они избушку, вошли в нее – пустехонька, и вздумали тут остановиться.

Пришло дело к вечеру. Говорит Иван Быкович:

– Братцы! Мы заехали в чужедальную сторону, надо жить нам с осторожкою; давайте по очереди на дозор ходить.

Кинули жеребий – доставалось первую ночь сторожить Ивану-царевичу, другую – Ивану кухаркину сыну, а третью – Ивану Быковичу. Отправился Иван-царевич на дозор, залез в кусты и крепко заснул. Иван Быкович на него не понадеялся; как пошло время за полночь – он тотчас готов был, взял с собой щит и меч, вышел и стал под калиновый мост. Вдруг на реке воды взволновались, на дубах орлы закричали – выезжает Чудо-юдо шестиглавое; под ним конь споткнулся, черный ворон на плече встрепенулся, позади хорт* ошетинился. Говорит Чудо-юдо шестиглавое:

– Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, а ты, песья шерсть, ошетинилась? Аль вы думаете, что Иван Быкович здесь? Так он, добрый молодец, еще не родился, а коли родился – так на войну не сгодился: я его на одну руку посажу, другой прихлопну – только мокренько будет!

Выскочил Иван Быкович:

– Не хвались, нечистая сила! Не поймав ясна сокола, рано

перья щипать; не отведав добра молодца, нечего хулить его. А давай лучше силы пробовать: кто одолеет, тот и похвалится.

Вот сошлись они – поравнялись, так жестоко ударились, что кругом земля простонала. Чуду-юду не посчастливилось. Иван Быкович с одного размаху сшиб ему три головы.

– Стой, Иван Быкович! Дай мне роздыху.

– Что за роздых! У тебя, нечистая сила, три головы, у меня всего одна; вот как будет у тебя одна голова, тогда и отдыхать станем.

Снова они сошлись, снова ударились; Иван Быкович отрубил Чуду-юду и последние головы, взял туловище – рассек на мелкие части и побросал в реку Смородину, а шесть голов под калиновый мост сложил. Сам в избушку вернулся. Поутру приходит Иван-царевич.

– Ну что, не видал ли чего?

– Нет, братцы, мимо меня и муха не пролетала.

На другую ночь отправился на дозор Иван кухаркин сын, забрался в кусты и заснул. Иван Быкович на него не понадеялся; как пошло время за полночь – он тотчас снарядился, взял с собой щит и меч, вышел и стал под калиновый мост.

Вдруг на реке воды взволновались, на дубах орлы раскричались – выезжает Чудо-юдо девятиглавое; под ним конь споткнулся, черный ворон на плече встрепенулся, позади хорт ошетинился. Чудо-юдо коня по бедрам, ворона по перьям, хорта по ушам:

– Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, ты, песья шерсть, щетинишься? Аль вы думаете, что Иван Быкович здесь? Так он еще не родился, а коли родился – так на войну не сгодился: я его одним пальцем убью!

Выскочил Иван Быкович:

– погоди – не хвались, прежде Богу помолись, руки умой да за дело примись! Еще неведомо – чья возьмет!

Как махнет богатырь своим острым мечом раз-два, так и снес у нечистой силы шесть голов; а Чудо-юдо ударил – по колена его в сыру землю вогнал.

Иван Быкович захватил горсть земли и бросил своему супротивнику прямо в очи. Пока Чудо-юдо протирал свои глаза, богатырь срубил ему и остальные головы, взял туловище – рассек на мелкие части и побросал в реку Смородину, а девять голов под калиновый мост сложил.

Наутро приходит Иван кухаркин сын.

– Что, брат, не видал ли за ночь чего?

– Нет, возле меня ни одна муха не пролетала, ни один комар не пищал!

Иван Быкович повел братьев под калиновый мост, показал им на мертвые головы и стал стыдить:

— Эх вы, сони, где вам воевать? Вам бы дома на печи лежать!

На третью ночь собирается на дозор идти Иван Быкович, взял белое полотенце, повесил на стенку, а под ним на полу миску поставил и говорит братьям:

— Я на страшный бой иду; а вы, братцы, всю ночь не спите да присматривайтесь, как будет с полотенца кровь течь: если половина миски набежит — ладно дело, если полна миска набежит — все ничего, а если через край польет — тотчас спускайте с цепей моего богатырского коня и сами спешите на помощь мне.

Вот стоит Иван Быкович под калиновым мостом; пошло время за полночь, на реке воды взволновались, на дубах орлы раскричались — выезжает Чудо-юдо двенадцатиглавое; конь у него о двенадцати крылах, шерсть у коня серебряная, хвост и грива — золотые. Едет Чудо-юдо; вдруг под ним конь споткнулся; черный ворон на плече встрепнулся, позади хорт ошетинился. Чудо-юдо коня по бедрам, ворона по перьям, хорту по ушам:

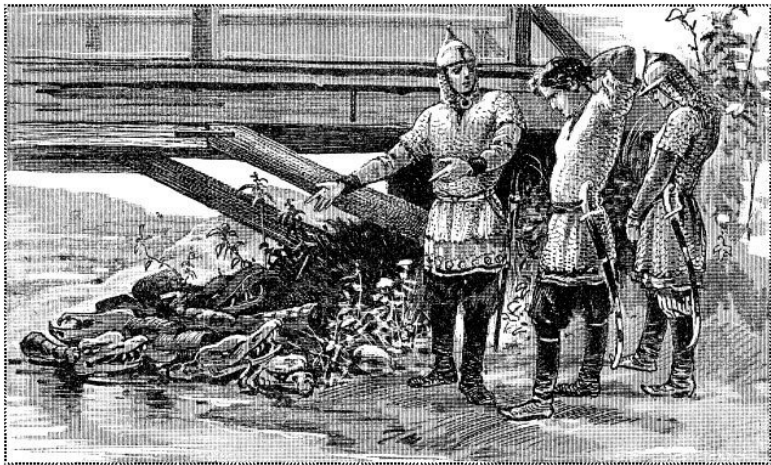
— Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, ты, песья шерсть, щетинишься? Аль вы думаете, что Иван Быкович здесь? Так он еще не родился, а коли родился — так на войну не сгодился: я только дуну — его и праху не останется!

Выскочил Иван Быкович:

– Погоди – не хвались, прежде Богу помолись!

– А, ты здесь! Зачем пришел?

– На тебя, нечистая сила, посмотреть, твоей крепости испробовать.

Куда тебе мою крепость пробовать? Ты муха передо мной!

Отвечает Иван Быкович:

– Я пришел с тобой не сказки рассказывать, а насмерть воевать.

Размахнулся своим острым мечом и срубил Чуду-юду три головы. Чудо-юдо подхватил эти головы, черкнул по ним своим огненным пальцем – и тотчас все головы приросли, будто и с плеч не падали! Плохо пришлось Ивану Быковичу; Чудо-юдо стал одолевать его, по колена вогнал в сыру землю.

– Стой, нечистая сила! Цари-короли сражаются, и те замиренье делают; а мы с тобой ужли* будем воевать без роздыху? Дай мне роздыху хоть до трех раз.

Чудо-юдо согласился; Иван Быкович снял правую рукавицу и пустил в избушку. Рукавица все окна побила, а его братья спят, ничего не слышат. В другой раз размахнулся Иван Быкович сильнее прежнего и срубил Чуду-юду шесть голов; Чудо-юдо подхватил их, черкнул огненным пальцем – и опять все головы на местах, а Ивана Быковича забил он по пояс в сыру землю.

Запросил богатырь роздыху, снял левую рукавицу и пустил в избушку. Рукавица крышу пробила, а братья всё спят, ничего не слышат. В третий раз размахнулся он еще сильнее и срубил Чуду-юду девять голов; Чудо-юдо подхватил их, черкнул огненным пальцем – головы опять приросли, а Ивана Быковича вогнал он в сыру землю по самые плечи.

Иван Быкович запросил роздыху, снял с себя шляпу и пустил в избушку; от того удара избушка развалилася, вся по бревнам раскатилася.

Тут только братья проснулись, глянули – кровь из миски через край льется, а богатырский конь громко ржет да с цепей рвется. Бросились они на конюшню, спустили коня, а следом за ним и сами на помощь спешат.

– А! – говорит Чудо-юдо. – Ты обманом живешь; у тебя помощь есть.

Богатырский конь прибежал, начал бить его копытами;

а Иван Быкович тем временем вылез из земли, приловчился и отсек Чуду-юду огненный палец. После того давай рубить ему головы: сшиб все до единой, туловище на мелкие части разнял и побросал все в реку Смородину.

Прибегают братья.

– Эх вы, сони! – говорит Иван Быкович. – Из-за вашего сна я чуть-чуть головой не поплатился.

Попутру ранешенько вышел Иван Быкович в чистое поле, ударился оземь и сделался воробышком, прилетел к белокаменным палатам и сел у открытого окошечка. Увидала его старая ведьма, посыпала зернышков и стала сказывать:

– Воробышек-воробей! Ты прилетел зернышков покушать, моего горя послушать. Насмеялся надо мной Иван Быкович, всех зятьев моих извел.

– Не горюй, матушка! Мы ему за все отплатим, – говорят Чудо-юдовы жены.

– Вот я, – говорит меньшая, – напущу голод, сама выйду на дорогу да сделаюсь яблоней с золотыми и серебряными яблочками: кто яблочко сорвет – тот сейчас лопнет.

– А я, – говорит середняя, – напущу жажду, сама сделаюсь колодезем; на воде будут две чаши плавать: одна золотая, другая серебряная; кто за чашу возьмется – того я утоплю.

– А я, – говорит старшая, – сон напущу, а сама перекинусь золотой кроваткою; кто на кроватке ляжет – тот огнем сгорит.

Иван Быкович выслушал эти речи, полетел назад, ударил-

ся оземь и стал по-прежнему добрым молодцем.

Собрались три брата и поехали домой. Едут они дорогою, голод их сильно мучает, а есть нечего. Глядь – стоит яблоня с золотыми и серебряными яблочками; Иван-царевич да Иван кухаркин сын пустились было яблочки рвать, да Иван Быкович наперед заскакал и давай рубить яблоню крест-накрест – только кровь брызжет! То же сделал он и с колодезем и с золотую кроваткою. Сгибли Чудо-юдовы жены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.